

A romantic couple embracing in front of a zodiac wheel. The man has blonde hair and a beard, wearing a white shirt. The woman has blonde curly hair and wears red-rimmed glasses and a green top. The background is a zodiac wheel with various signs and symbols.

**СТРЕЛЕЦ**  
*медведь*  
**ЮПИТЕР**

**АМАЛИЯ МАРТ**

# Амалия Март

## Стрелец тебе в Юпитер

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70449358](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70449358)*

*SelfPub; 2024*

### Аннотация

Он сидит напротив восемь часов в день, пять дней в неделю. Его взгляд прожигает во мне дыру, а острый язык не упускает шанса пройтись по моей самооценке метким словом. Он не верит ни во что, кроме цифр и фактов, и, кажется, его главная цель в жизни – уничтожить все, во что верю я. Чертов Стрелец во всем его великолепии. Ну кто обвинит меня в том, что я решила его проучить? Немного помочь равнодушной вселенной с исполнением его гороскопа: устроить и неприятности на работе, и легкий материальный ущерб, и разногласия с детьми и стариками. Чтобы пробить, наконец, броню этого холодного скептика! Но... что-то явно пошло не так. Ведь пункта "целовать врага" в моем плане не было!

# Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	13
Глава 3.	21
Глава 4.	27
Глава 5.	39
Глава 6.	51
Глава 7.	64
Глава 8.	80
Глава 9.	90
Глава 10.	104
Конец ознакомительного фрагмента.	109

# Амалия Март

## Стрелец тебе в Юпитер

### Глава 1.

Как же тяжело маленькому безобидному Скорпиону в мире наглых и самовлюбленных Стрельцов. А каждый второй, что не Стрелец, так Овен. И выживай как знаешь.

Вот я и пытаюсь.

Но сегодня это как никогда сложная задачка. Ненавижу, когда обстоятельства вынуждают идти наперекор прогнозу! Ведь звезды четко сказали сегодня: «Не волнуйтесь по пустякам. Не планируйте на первую половину дня ничего утомительного. Избегайте большого скопления людей». И где я сейчас сижу? Правильно, в метро. К чьему паху прижимаюсь щекой? Неизвестно, верно. Какого лешего поперлась черте куда в разгар рабочего дня?

О, это очень увлекательная история. И без Стрельца здесь, конечно, не обошлось!

Я несла кофе. Он – пятьдесят алых роз. Это могло быть началом прекрасной романтической истории, если бы не отлично вымытый пол, мои каблуки и непомерное эго человека, считающего, что вперед смотреть не обязательно. Вот

и вышло так, что я, обсыпанная миллионом десятком алых роз, разложилась посреди опен-спейса. Погнула злосчастные шипастые цветы, промочила твидовый блейзер и заработала уничижительный взгляд. А теперь вынуждена ехать за новой партией шикарного букета для нашей начальницы, у которой сегодня не абы какой день, а десятилетняя годовщина работы в компании, потому что его величество отменный засранец опаздывал на совещание, а я «сама виновата».

Стрельцы, что с них взять! Эгоистичные, самовлюбленные, надменные... изменщики! Все, как один. И это я не голословно берусь утверждать. Это официальная версия профессионального астролога и бывшей жены такого вот... С Юпитером в пятом доме.

Эх, владей я этой информацией шесть лет назад... не испытала бы на себе все прелести рыданий по ночам, дележки имущества и послевкусия брошенки. Но опыт великая вещь, она делает нас сильнее и уж точно мудрее.

Поэтому на язвительное предложение скататься за новым букетом в стиле «хоть с этим ты справишься, или звезды не велят?» я ответила только мысленной конфигурацией из среднего пальца, обворожительной улыбочкой и протянутой за корпоративной картой ладонью. И вот ни капельки меня эти высокомерно закатанные глаза не тронули. У меня ментальная защита как у броненосца.

Жаль гибкость как у панды.

Новый букет я спасала от пассажиров подземки ценой

своей гордости и отпечатка металлической пуговицы от джинсов на щеке. И, не без искреннего чувства удовлетворения от собственной сноровки, ворвалась в наш тихий корпоративный закуток с пышущим цветом букетом из восьмидесяти одной кустовой хризантемы. Которая, уж конечно, куда больше подходит скромной и равнодушной к роскоши Деве, нежели вычурные красные розы.

Ирина, менеджер продукта и руководитель нашей команды, как образец для всех натальных карт: Дева второй декады – прагматичный трудоголик с активной жизненной позицией и чувственной натурой, управляемой Венерой в знаке. Мать всея офиса и лучший друг каждого сотрудника. Так что ради нее не жаль и пренебречь рекомендациями звезд.

– Это что? – в спину летит такое ядовитое острие из слов, что я невольно вздрагиваю.

Поправляю ленточку на букете, который успела примостить в дежурную вазу на своем столе, и спокойно отвечаю:

– Цветы.

– Это что, твою мать, я спрашиваю за цветы? – в периферию зрения попадает чертовски высокий силуэт, и я невольно отступаю. Не люблю, когда в мое личное пространство вторгаются, особенно без спроса и неся негативную энергию.

– Хризантемы, – выдаю легкую улыбку и, наконец, встречаюсь взглядом с врагом номер один в этом офисе-мире.

Арсений Шереметьев выглядит как всегда: недовольным этим миром, жизнью и мной. Мной особенно. Его генетика,

казалось бы, должна сыграть на руку и делать образ мягче, да хотя бы этими льдисто голубыми глазами, но вечная складка между бровями все портит. И взгляду меня не обмануть: он мысленно меня препарирует. Уже добрался до печени.

– Какого?.. – он проглатывает следующее ругательство вместе с втянутым через ноздри воздухом. – Я отправил тебя за розами, – чеканит слова сквозь сжатые зубы. – Я позвонил в магазин и сказал отложить пятьдесят одну гребаную розу, предыдущую партию которых ты уничтожила своей... – мысленно я договариваю предложение за него и вспыхиваю от возмущения. Тоже мысленно. Я безбрежный океан спокойствия, я гладь воды в солнечный день, я Сатурн, забредший в Скорпиона. – Ты не способна отличить розы от этого? – раздраженно выплевывает мой враг, не забыв сократить между нами пространство.

Я стойко выдерживаю этот прессинг, хотя все мое тело стремится установить привычную дистанцию в метр с хвостиком и спокойно поясняю. Как идиоту, коим он, конечно, не является, но жутко бесится с этой моей привычки:

– Во-первых, не «ты послал», а я взяла на себя эту функцию, ради хорошего человека. Во-вторых, – все-таки делаю шаг в сторону, чтобы придержать вазу, которая опасно накренилась от веса цветов, – утренний инцидент – обоюдная вина, «твоя и уборщицы» добавляю про себя. – А, в-третьих, уж я в цветах побольше тебя разбираюсь, циник.

– Циник? – его широкие брови взлетают в неподдельном

удивлении. – Что-то новенькое. Где-то между общением со звездами и приемами сигналов из космоса, почитала словарь Даля? Отличный досуг, продолжай развиваться.

Я безбрежный океан, я безбрежный...

– Почему не розы? – настойчиво возвращается к теме очередного раздора. Грубо и настойчиво. Нависает сзади, как коршун, готовый вцепиться когтями мне в глотку, чтобы я задохнулась. И я задыхаюсь, почти натурально, от забившего ноздри сильнейшего запаха табака и ванили. Что за извращенец придумал этот мужской парфюм, разлил по баночкам и умудряется продавать за баснословные деньги?

– Потому что розы – пошлятина для таких как ты. А уравновешенные и искренние Девы умеют ценить простоту, – уворачиваюсь из облака пафоса и табака, и наклоняюсь над столом, включая ноутбук. Там меня ждут правки по последней статье, которые нужно сдать сегодня к вечеру.

– Опять чудись, – как змей шипит сзади Шереметьев. Даром, что фамилия лётная, никак не уберется подальше.

– Ага, – весело соглашаюсь, потому что это гарантированно его выбесит.

– Как можно быть такой... – размахивает руками и задевает чертову неустойчивую вазу.

Я реагирую мгновенно, оседая на пол и ловя плотно связанный букет из кустовых хризантем. И получаю отрезвляющий холодный душ из перевернутой вазы. Футболка под блейзером мгновенно промокает, являя через белую ткань

очертания нижнего белья, волосы облепляют лицо сосульками, а очки покрываются мелкими капельками.

Над головой раздается удушливый смешок.

Снимаю очки и поднимаю взгляд вверх. На Стрельца во плоти.

– Ты это специально, – злость все-таки берет верх. А за ней следует то, что я в себе ненавижу – чертова эмоциональность.

– Нет, – сквозь попытку удержать очередной смешок, утверждает наглец.

– Пожалуй, сегодня на ночь мне действительно стоит почитать словарь, потому что сейчас у меня для тебя слов нет, – говорю приглушенно.

Поднимаюсь на ноги, всовываю букет раздора в руки эгоистичному мудаку и гневно протираю стекла очков о не намокшую часть футболки. Только не расплачься на глазах у конченного придурка. Только не расплачься.

– Я правда не специально, – настойчиво говорит Арсений уже без улыбки.

– Угу, – киваю я. Как же.

Разворачиваюсь и ухожу в дамскую комнату, под пристальным взглядом коллег, от которых сцена не могла укрыться, ведь мы работает в тесном дружном офисе открытого типа.

Закрываюсь в кабинке и оцениваю ущерб в зеркале. Ладно, все не так плохо. Скидываю пиджак, затем налипшую к

коже футболку. Плакать уже не хочется, я очень отходчива, если самой себя не загонять. А я хорошо умею сосредотачиваться на задачах, а не на эмоциях. Футболку кидаю на батарею, блейзер накидываю поверх топа, который волей случая оказался на мне вместо вычурного бюстгальтера. Разделяю передние мокрые пряди волос пальцами, чтобы не превратились в паклю, и убираю в нетугой узел на макушке. Ну вот, почти прилично.

Выхожу уже собранной как личность и спокойной, как познавший дзен тибетский монах.

Пока не вижу, что над моими хризантемами издеваются!

– Ты что творишь? – подлетаю к Шереметьеву и пытаюсь прекратить экзекуцию над цветочной композицией, которую он устроил. На моем столе красуется разобранный букет и, очевидно, вытащенные из мусорки уцелевшие розы.

– Пытаюсь превратить нищенский букет в подобие приличного.

Что за каша в голове у этого человека?!

– О, боже, – пытаюсь оттолкнуть его бедром и вырвать из его лап ни в чем не повинные хризантемы. – Ты же ни черта в них не разбираешься!

– Их продают пенсионерки у метро, – дерзко сбивая в кучу несочетаемые цветы, пытается собрать из них единое целое. Что выглядит, конечно, совершенно безобразно.

– Иди отсюда, – выкидываю из облака воздушных кремовых цветов дурацкие розы. Укалываю палец о дурацкий шип

и совершенно по-дурацки пачкаю одну из хризантем кровью.

Чудесно. Подарок с ДНК. Креатив зашкаливает.

– Сама не мешайся, – перехватывая мое запястье, гремит над ухом. словно фокусник, Арсений вынимает откуда-то бумажную салфетку, перематывает ей мой палец и вручает руку обратно, прижимая к моей груди. Его взгляд на секунду задерживается на полоске голой кожи под топом, остро прокатывается выше и снова возвращается к цветам. Он слегка зависает, словно сбитый с программы уничтожения всего прекрасного, что я делаю, давая мне фору. Спешно выкидываю оставшиеся розы и сгребаю со стола хризантемы.

– Не получишь! – по-ребячески завожу я, ища взглядом белую ленту, которой они были обвязаны.

– Мы не будем дарить *это*, – тычет он пальцем в меня, нежно прижимающей потрепанный букет к груди.

– Ей понравится! У тебя напрочь отсутствует вкус!

– А у тебя мозги!

Ха! Придумал бы что-нибудь новенькое!

– Хватит собачиться, – доносится сбоку уставшее. Наверное от Ксюхи, стол которой, на ее беду, расположен между нашими с Шереметьевым, и которая вынуждена быть бесконечным буфером. – Пора идти поздравлять!

Шумят отодвигаемые стулья, вокруг собирается народ, наперебой призывающий нас успокоиться и пошевеливаться. Пока кто-то занимает нравоучительным разговором Арсения, я нахожу ленту и наскоро перевязываю бедные, ни

в чем не повинные цветы семейства астровых. Ощипываю лепестки, заляпанные моей кровью, и гордо передаю восстановленный букет Шереметьеву. Раз он у нас взялся быть неформальным лидером.

Арсений кривится, но цветы забирает. Его взгляд добрался до надпочечников и обещает мне медленную и болезненную смерть.

Скоро.

Мы врываемся в кабинет Ирины, вернувшейся с очередного совещания, и дружной гурьбой поздравляем со знаменательной датой. Она привычно сдержанно улыбается, принимая букет.

– Команда мечты, – награждает нас искренним эпитетом. – Я и сама не помнила дату, – легко смеется. – И спасибо за то, что так хорошо меня знаете. Мои любимые, – кивает на букет.

Я ищу взглядом Шереметьева, чтобы самодовольно ему улыбнуться, но не сдерживаюсь, и, брошенный недавно мысленный фак, превращаю в самый настоящий. Изысканно поправляя средним пальцем дужку очков.

А ведь когда-то между нами все было по-другому.

## Глава 2.

Какими бы слухами не обросло потом наше знакомство, все начиналось весьма мило. Но на память свидетелей рассчитывать не приходится, а мы с Шереметьевым унесем эту тайну с собой в могилу.

Когда я только появилась в команде, мир еще был другим. Мужчины флиртовали с женщинами, уча пользоваться капсульной кофемашиной, помогали разобраться со сложной оргтехникой, таскали тяжелые столы с места на место, чтобы создать идеальное по энергетике рабочее место.

Он таскал.

И смеялся.

Придерживал мне дверь, когда мы сталкивались в проходе, советовал, где лучше пообедать и хорошие наушники для работы в шумном опен-спейсе. Я ловила его случайные взгляды пока сосредоточенно изучала лунные фазы, и в ответ украдкой бросала взгляды на его серьезный профиль. Изучала его манеру увлеченно выбивать буквы из клавиатуры, и складку между бровей, казавшуюся мне тогда дико сексуальной, вычисляя его знак зодиака и нашу совместимость. Он бы мог оказаться Козерогом. Определенно.

Умный, галантный, наделенный физической и духовной силой, что не способна скрыть свободная рубашка и задум-

чиво прищуренный взгляд.

Или Тельцом, с которым совместимость у нас не столь откровенная, но не поддаться этим чарам основательного, практичного и харизматичного знака очень сложно.

Да, он определенно мог быть одним из них. Но оказался настоящим... Стрельцом!

Я даже не поняла, когда именно искренняя симпатия переросла в скрытую конфронтацию. Когда он некрасиво фыркнул на мою квалификацию магистра астрологии? Или явив мне впервые закатанные глаза на мою первую статью?

А вот момент, когда все перешло в открытую агрессию, помню отлично: он назвал мою работу псевдонаучной блажью скучающих домохозяек. А поскольку я потратила полтора года жизни на обучение и имею сертификат заверенный РАО (*Российским Обществом Астрологов – прим.автора*), стерпеть этого не смогла и послала его к Гудвину за сердцем, раз мозги – единственное, что он имеет в распоряжении.

Так сломался последний барьер нашего холодного противостояния. И теперь это каждодневная ядерная война, не одобренная даже агрессивной формой бывшего флирта.

– Ульяна! – Ксюха припирает меня к стене, едва мы выходим из кабинета Ирины. – Я все видела, – строит хмурую рожицу. Что на ее веснушчатом лице выглядит, уж конечно, совсем не серьезно.

– Ой, да ладно, он заслужил! – даже не иду на попятный. Да, показала фак. Да, в кабинете начальника. Да, при всех.

– Кто-то из вас должен быть умнее, – в очередной раз пытаются промыть мне мозги, пока мы возвращаемся по рабочим местам.

– Я и так умнее, а он отказывается это признавать. Отсюда весь конфликт, – пожимаю плечами.

Сметаю со стола ошметки букета, над которым сегодня знатно поиздевались, и выбрасываю в урну окровавленную салфетку. До сих пор не понимаю, что был за фокус с перевязкой и псевдозаботой.

– Может по кофе? – вздыхаю, вспоминая, что мне сейчас править статью.

– Я сегодня уже накачалась, – отрицательно машет головой Ксю.

– Как хочешь.

Я иду в закуток с кофемашиной, которая теперь больше походит на оружие в грядущем восстании машин – столько на ней кнопок и сенсоров. Я скучаю по старушке Нескафе Дольче Густо с выпендражными капсулами. И за это тоже стоит ненавидеть Шереметьева, который своей активной жизненной позицией устроил кофейный переворот в офисе и разгромное голосование за новую кофемашину. Будь я чуть большим параноиком, решила бы что это все конкретно мне на зло.

Насыпаю новую порцию зерен в отсек, доливаю фильтрованную воду и тянусь за своей кружкой, когда за спиной слышу подозрительный щелчок и гудение.

Не. Может. Быть.

– Да ты шутишь! – оборачиваюсь и впериваю гневный взгляд в Арсения, воспользовавшегося моей кофемашиной! Я только на секундочку отвернулась, а он уже подставил свою кружку и нажал кнопку.

– Я спешу, – складывает руки на груди и широко расставляет ноги, словно для укрепления позиции.

– Ты воспользовался мной!

– Даже не начинал, – хмыкает он, бросая в меня фирменный взгляд «ты серьезно?».

– Я засыпала зерна! И воду!

– Засыпала? – искривляет чертову бровь.

Делаю злой шаг вперед и толкаю Шереметьева плечом.

\*

– Отойди! – хватаю его кружку за ручку, планируя совершить дерзкий ход с подменной чашек прямо под горячей струей.

– Обожжешься, – кидает раздраженно.

– Оно того стоит, – скидываю его руку, успевшую перехватить мою на полпути.

Локтем попадаю ему под ребра, так близко он нависает, в ответ получаю щипок за бок. Наша возня превращается в мини-потасовку, где победитель – то есть я – все-таки подменяет кружки, попутно получив ожог от нескольких капель, брызнувших на тыльную сторону ладони. Но ничего, оно того стоило.

– Упертая! – рычит над ухом пораженный враг.

– Халявщик!

– Работать надо, а не кофе пить, – вглядывается в свою кружку с двумя глотками кофе, успевшими натечь.

– Кто бы говорил!

– Не я полдня праздно шатался.

– У-у-у, – от злости даже притопывать ногами начинаю, отчего подсохшие волосы разлетаются из наскоро сооруженного в туалете пучка и осыпаются на лицо, закрывая мир белым полотном.

Я отфыркиваюсь, перекидывая непослушные волосы назад и снова пронзаю прожжённого эгоиста взглядом.

– Так это все из-за тебя!

– Ну да, ну да, – убирает мою чашку, уже наполненную кофе, ставит свою и снова нажимает кнопку старта.

Под гудение этой машины смерти, мой пульс учащенно бьется в груди, распространяя всепожирающую злость.

Безбрежный океан, безбрежный океан. Вдох-выдох. Не поддаваться эмоциям. Достать сливки, размешать сахар, ве-  
д~~ить~~ нож в его сердце, думать о статье.

– Ты невыносим, – прорывается-таки сквозь сжатые зубы.

Пространство пререзает сдавленный смешок. Из тех, что я ненавижу.

– Смешно слышать от тебя.

– И что это значит? – громко хлопаю упаковкой сахара о столешницу.

– Со всеми этими штучками вуду на серьезных щах, – Шереметьев совершает какие-то странные пасы руками, совершенно выбивая меня из колеи.

– Какие еще штучки вуду?! – резко разворачиваюсь, прижимаясь поясницей к столешнице и складываю руки на груди.

– Вуду, гороскопы, все одно.

– Астрология – это наука!

– Нет, – жестко чеканит он, мгновенно подбираясь и сокращая расстояние между нами до взрывоопасного минимума. – Экономика – это наука. Политология – наука. Физика, химия – наука. Астрономия – наука. А то, чем ты занимаешься... – прожигает меня своим взглядом из-под сведенных бровей.

– Это одна из древнейших профессий, чтоб ты знал! – все, я психую, вызывайте бригаду, это теперь не остановить. – Сведения исследователей говорят о ее появлении за 3 века до нашей эры!

– Ты бы сильно не распространялась о древнейшей профессии, не поймут, – издевательским шепотом подтрунивает надо мной. – И футболку стоит надеть, а то и так...

Его взгляд опускается ниже, ныряет в мое декольте, обнаруженное его же стараниями, и снова поднимается глаза в глаза.

Я вспыхиваю, как факел. Он намекает, что я выгляжу, как девушка сильно облегченного поведения??? Ну, знаешь...

– Серьезно, Уля, – я вздрагиваю, как и всегда, когда слышу свое имя из его уст. Это редкое и тревожащее явление. Из раза в раз заставляющее дыхание остановиться. – Ты не можешь ставить свою работу и мою на один уровень. И то, что это делает компания, судя по зарплатным ведомостям, для меня – личное оскорбление.

Пропустим, откуда он в курсе моей зарплаты. Остановимся на главном.

– Так вот, что тебя так бесит на самом деле, – расплываюсь в улыбке. И даже чувствую, как с плеч уходит напряжение. Наконец-то мы добрались до сути конфликта.

– Да, – подтверждает, не скрывая презрения. – Бесит. Бесит, что два высших образования противостоят псевдоочуши. Бесит, что серьезные исследования равняют с чрезмерной фантазией глупой девицы, решившей, что какие-то звезды, находящиеся в миллионе световых лет от нас, лучше знают как нам жить, – дышит яростью мне в лицо. – И что благодаря распространению этой «науки», тревожных дур, надеющихся на что-то недоказуемое, нежели на свой интеллект, с каждым днем становится все больше. И самое печальное, что ты реально не понимаешь, что творишь.

Он берет свою чашку с кофе, разворачивается и, не дав мне и шанса поставить его на место, уходит. Я остаюсь стоять с застывшей на губах мертвой улыбкой. С отвратительным осадком в горле и горящим лицом.

Поставив кофе остывать на рабочий стол, снова иду в дам-

скую комнату, надеваю уже просохшую футболку и немного охлаждаю вспыхнувшие щеки под ледяной водой. Это было унижительно. И то, как он прошелся по моим умственным способностям, и то, как унижительно опустил дело моей жизни. Уязвленная гордость мужчины дорого обходится женщине, которая ее потрепала. Но выставять меня на посмешище я не позволю. Псевдонаука для ограниченных домохозяек и тревожных дур, значит?

Что ж. Пора заняться доказательной частью этой «псевдонауки».

## Глава 3.

*Стрельцы, сегодня вы будете более вспыльчивы и раздражительны чем обычно, и, под влиянием эмоций, можете сказать или сделать то, о чем позже пожалеете.*

Вот уж точно.

Он пожалеет.

Как говорил Степан Афанасьев, астрологический гуру и мой наставник, любая наука начинается с исследования, а заканчивается экспериментальными доказательствами. Именно поэтому астрология пока не является наукой – доказать правдивость мировому сообществу практическими методами на сегодняшний день не удалось.

Но то мировое сообщество, а то один высокомерный скептик. Да и я не научный исследователь. Всего лишь оскорбленная женщина и уязвленный специалист. Поэтому и методы доказательств могу смело использовать ненаучные, а иногда и вовсе нечестные. Главное же результат.

Еще раз протираю стекла очков и открываю нужную вкладку на компьютере.

Итак, посмотрим, что у высокомерного Стрельца в гороскопе на завтра...

– Ульяна, правки, – я отвлекаюсь на постукивание по столу и задираю голову, чтобы встретиться взглядом с Ириной

и соорудить виноватую рожицу.

Вот черт. Уже четыре. Пока носилась за цветами, потом с цветами, потом переодевалась, выслушивала какое я ничтожество по сравнению с его величеством циником и пила кофе, разрабатывая план по уничтожению противника, настал час икс.

– Дашь еще час? – выдыхаю я, втягивая голову в плечи.

Ирина смотрит на меня тяжелым взглядом и продолжительно выдыхает. Это ее максимум осуждения, но чувствуется куда страшнее любого крика самодура-начальника. Потому что ее подводить совсем не хочется, а я действительно накосячила.

– Не заставляй меня снова вставлять календарь стрижек на место романтического гороскопа, – морщится она.

Ксюха хихикает, спрятавшись за экраном ноутбука. Ее всегда веселит эта шутка. А мне не смешно, календарь стрижек – это статья-подушка на случай форс-мажоров.

– Я успею, клянусь, – для подтверждения собственной продуктивности даже трясу мышку, чтобы оживить экран.

– Выгрузка в шесть, я должна успеть прочесть.

– Угу, – энергично киваю, залезая в почту. Там мало правок, я помню. Ничтожно. Я все успею.

– Ксюша, «лайфхак дня» замени, – идет дальше по столам. – Этот уже был в феврале.

– Ха-ра-шо, – нараспев соглашается коллега, принимаясь щелкать мышью.

– Так, к новостному у меня претензий нет, проходит мимо Шереметьева, не реагирующего на похвалу, дальше Рому по политике, Дениса «спорт» и Анжелику «культура». – Так, «Добро», – тормозит возле бледной Вали, одной несущей на себе весь раздел благотворительности.

Дальше я отключаюсь, утыкаясь в экран. Нужно разобраться со своим делом.

Оно на самом деле маленькое. Ежедневный гороскоп, несколько еженедельных и ежемесячных статей на следующий месяц, лунный календарь стрижек, свиданий, посевов сезонно. И то я вечно не успеваю. Как Ирина держит под контролем всю продуктовую команду и контент – для меня абсолютная загадка. Наверное, опыт нарастает с годами, каких-то десять лет назад, когда она только начинала, на платформе было всего три вкладки – Новости, Звезды и Интересное. Она любит напоминать нам, что все большое когда-то было маленьким и наша задача расти вместе с ним.

Гениальная женщина.

Открываю файл со статьей и от количества цветастых маркеров и примечаний у меня слегка кружится голова. Да, в структурировании статей я не сильна, диплом журналиста хоть и помог мне устроиться сюда работать два года назад, но все так же напоминает, что нельзя позволять подросткам принимать жизненно важные решения в семнадцать лет. До этого опыта я ни разу не работала по профессии, выскочила замуж, как дура, на последнем курсе и поддалась уговорам

«сиди дома, рожай борщи». А потом мой мир рухнул, и я оказалась на рынке разведенки без опыта работы, с упущенным временем и совершенно сбита с толку. Имея только одно желание – ~~убить бывшего~~ разобраться в себе.

Тогда в мою жизнь и пришел Степан, волею судьбы и по рекомендации интернета, разложивший всю мою жизнь на карте небесных тел, словно волшебник. И разделив его на пустое «до» и четкое «после».

А мои Уран и Меркурий в аспекте оппозиции определили путь задолго до того, как я поняла, с чем хочу связать свою профессию. Буквально в час рождения вложили мне пытливым ум, тяготеющий к личным исследованиям, который и привел меня к звездам.

В прямом смысле.

Совмещать диплом, полученный из-под палки и знания, к которым стремится мое нутро, показалось мне логичным решением. И в целом я абсолютно довольна местом, на котором сейчас нахожусь, своей работой и тем, что делаю. (Ну серьезно, какой развлекательно-новостной ресурс может похвастаться правдивыми гороскопами, взятыми не в чьей-то буйной голове?) Но в бочке меда всегда найдется ложка дегтя. И в моей это – ужасно упертый нигилист с широтой взглядов примерно с головку зубочистки.

– Тебе помочь? Я на сегодня всё, – голова Ксюши вновь появляется из-за ноутбука. Добрая душа частенько помогает мне с редактурой, потому что печатает, как бог.

– Да не, я сама, – не отрываю глаз от экрана. Меняю местами пару абзацев, выделяю название другим шрифтом, курсив – на жирный, жирный – на обычный текст. Визуально все действительно становится читабельнее. Господи, когда-нибудь во мне тоже разовьется эта насмотренность, как у Ирины, и тогда мои статьи не будут из раза в раз возвращаться на доработку.

Еще раз пробегаю по тексту, вычитывая, убираю примечания, сохраняю и... отправить.

Всё. Отлично.

Теперь к делам насущным – допилить гороскопы на завтра. В принципе, ничего проще и представить нельзя, подобный прогноз осуществляется на основе суточных лунных фаз и положения планет по отношению к отдельному зодиакальному сектору. Тут у меня рука набита, а в помощь под этой самой рукой всегда талмуд-расшифровщик. Хотя, занимаясь этим столько, сколько я, туда заглядывать необходимость отпадает.

Так, на ком мы остановились? Скорпион.

Посмотрим, что мне завтра обещает фаза луны.

Итак, присваиваем Скорпиону знак номер 1. Нас интересует прогноз на завтрашний день. В этот день Луна – в знаке Девы. Дева для меня – 11-й знак, значит завтра, скорее всего, я проведу день с близкими. Как и планировала. Никогда не врет.

Делаю краткую пометку напротив Скорпиона, чтобы поз-

же вернуться и расписать прогноз, добавив витиеватых оборотов и побольше позитива. Люди, открывающие гороскоп под чашку утреннего кофе, не хотят программироваться на негатив, они хотят знать, что все будет хорошо. И я стараюсь им это дать.

Переключаю вкладку, останавливаюсь на Стрельце. Очень интересно, что день грядущий ему готовит.

Так, так. Ага, завтра моего врага ждут тайны, интриги, слухи и сплетни. Даже звезды на моей стороне, вау! Все было предначертано за нас.

## Глава 4.

*Стрельцы, сегодня будет непросто найти общий язык даже с теми, кто хорошо вас знает. Вероятны разногласия на работе, споры с коллегами и руководством. На вас может свалиться дело, которым вы не хотите заниматься, но в итоге оно может оказать существенное влияние на вашу карьеру.*

Еще раз прокручиваю в голове гороскоп на сегодня и расплываюсь в улыбке. Про карьеру было, наверное, лишним. Но так надо.

Я люблю утро. Тот редкий вид радостного жаворонка, которого ненавидят все хмурые люди в метро и еще больше – сонные коллеги. Но для меня утро – лучшая часть дня, когда я наполнена энергией и максимально готова к труду.

И нападению.

Кидаю сумку на стол, скидываю с плеч куртку и вешаю на спинку стула. До шкафа каких-то пять шагов, но там уже тусуется Шереметьев, устраивая свое идеально отпаренное пальто на плечики. Боже, он, наверное, и стрелки на брюках по утрам наглаживает. Включаю ноут и, пока он загружается, ишу, чем перехватить волосы. Как назло, под рукой ни карандаша, ни ручки.

Да, понимаю, со стороны это кажется максимально странным: половину утра потратить на укладку, чтобы потом все это бессердечно скрутить в узел на макушке. Но это своего рода ритуал. Помыть голову, уложить феном, радоваться идеальной прическе всю дорогу до работы и вечером после. А в процессе – убрать, чтобы не отвлекали.

– Беспорядок на столе – беспорядок в голове. Слышала? – проходя мимо, бросает Арсений.

А ведь я старалась не начать день с гризни.

– Поэтому твой всегда пустой? – не остаюсь в долгу.

Рома, пришедший сегодня первым, выпускает смешок, за что удостоивается раздраженного взгляда самого Шереметьева. Он такого не прощает.

Итак, среда утро, счет один-один. Отлично идем.

Скидываю сумку на пол и перекладываю пару бумажек, исписанных заметками, блокнот, которым я сто лет не пользовалась, неизвестно откуда взявшиеся папки. Черт, а прибраться и правда стоило бы. Перетряхиваю органайзер, в котором у меня одни только ластики да скобки от степлера, который, к слову, тоже куда-то запропастился. Ну хоть одна ручка, божежтымой, найдись.

Ага. За ноутбуком нахожу новый любимый карандаш с капибарами, недавняя спонтанная покупка. Предыдущий любимый с пандами безвозвратно утерян еще неделю назад. Обожаю магазины с канцтоварами, просто не способна пройти мимо них, а если взять в расчет, как часто я эту самую

канцелярию теряю, то еженедельный шопинг в Комусе не кажется таким уж странным. Лучше уж пусть со мной продавцы из Комуса здороваются, как с родной, чем из Алкомаркета.

Сгибаюсь пополам, чтобы перехватить все волосы на макушке и выпрямляюсь, закручивая дулю. Вынимаю зажатый между зубов карандаш и вставляю в пучок для фиксации. Да, можно было бы разжиться резинкой для волос или невидимками, но их я теряю еще чаще, чем карандаши. Поправляю задравшуюся рубашку и, когда поднимаю взгляд, ловлю странный интерес на своей персоне Шереметьева. Впрочем, свой задумчивый взгляд он тут же отводит, ясно давая понять, что его внезапный интерес – не более, чем случайность, и стена за моей головой его интересуется куда больше. Еще бы, ведь там висят часы.

Контролер рабочего времени в действии. И душила по совместительству.

Иногда мне кажется, что эти злополучные часы над моей головой интересуют его больше, чем что-либо на свете, так часто я перехватываю этот странный взгляд. Но нет, есть же еще его сверхважная, в отличие от моей, работа.

Экономические риски, ценные инвестиции, состояния рынков. Что может быть интереснее?

Только то, что я понятия не имею, что каждое из этих слов обозначает.

Но страдать из-за этого и считать себя менее образован-

ной или толковой никак не могу. Бьюсь об заклад, Шереметьев тоже ни на грамм не разбирается в минорном аспекте или диспозиторе знака. Но от этого почему-то не чувствует себя ущербным и глупым. Просто каждый хорош в своем деле. И это нормально.

Ненормально то, что один мнит себя мессией, а других высмеивает за отличный от него угол зрения на жизнь.

Но это я как раз в силах исправить.

Народ набивается в офис со скоростью мчащегося из пункта А в пункт Б поезда. Вскоре становится шумно илюдно настолько, что я достаю наушники и погружаюсь в ежедневную рутину, пока оттуда меня не вырывает оповещение о планерке. Вместе со мной с рабочего места поднимается Ксюха и девчонки с женского проекта.

Ирина предпочитает вести тематические планерки отдельно по проектам, не смешивая котлеты с мухами и новости с развлечением. Чем я сегодня и воспользуюсь.

– Так, – Ирина вытаскивает стул и присоединяется к нашему полукругу. – Десять минут, – ставит таймер на своих часах. – Быстро накидываем темы для статей. «Красота и здоровье», – поворачивается к Лиле.

– Пять трендов по уходу за лицом, – выпаливает она, не задумавшись даже на секунду.

– Гиалуронку можно выбрасывать?

– Так статью и назову, – смеется голубоглазая Лиля, которая всегда шарит в новинках бьюти-сферы, что, собственно,

по ней видно. Такой неприкрытой красоты в нашем офисе больше нет.

– Годится. «Дом», – переходит на Ксюху.

– Шесть способов обновить дом меньше, чем за час, – таторит соседка.

– Шесть неблагозвучно, пусть будет семь, – морщится Ирина.

– Пусть будет семь... – вздыхает Ксю, делая пометку в телефоне.

– Гороскопы.

– Эм... финансовая астрология, – сама не верю, что произношу это. – «Могут ли звезды влиять на наши инвестиции», – заканчиваю бодро, но встречаю такую тягостную тишину, что озноб берет.

Ирина протяжно выдыхает, не сводя с меня взгляда. Краем глаза замечаю, как Ксю крутит пальцем у виска, неумело замаскировав этот жест под почесывание. Ну да, кому нужны эти финансы в разделе для домохозяек?

– Это в еженедельную статью? – наконец интересуется она.

– Ежемесячную. Сделаю исследование крупных экономических событий и положений планет в эти года, исходя из этого сделаю прогноз на текущий момент. В нынешней ситуации это актуально, – давлю на больное. Актуально – это наш девиз.

– Читательницам «женского» это не интересно, – Ирина

задумчиво смотрит на наручные часы и постукивает по запястью. – Но мне интересно. Ладно, вперед, – милостиво разрешает. – Вероника, – обращается к нашей «семья и дети» рубрике.

– А если... – вклиниваюсь я, возвращая к себе внимание. – Простите, еще минутку мозгового штурма. Если к моей статье добавить прогноз эксперта на тот же период... можно эту статью поместить на главную страницу.

Ну вот, всё, бомба сброшена. Если все выгорит... только бы выгорело.

– Хочешь поработать с Шереметьевым? – продирается к сути наш удивительный начальник.

– Жажду.

Со всех сторон слышатся протяжные стоны.

– Только не это, – закатывает глаза Лиля.

– Ирина, не надо, пожалуйста! – молит Вероника.

– Я застрелюсь, – вклинивается Ксю и натурально изображает пистолет у виска.

Ну вот и чего переполошились? Их это не коснется. Наверное. Рикошетом же не задевает. Или наоборот?

– Коллеги против, – пожимает плечами начальница. – Подозреваю не зря.

Понятное дело, она не слепая и сама знает, какая холодная война ведется между нами с Арсением уже второй год. Но я твердо нацелена не сдаваться.

– Здесь ничего личного, – ложь слетает с моих губ легко

и непринужденно. Даже страшно становится. – Ты же сама все время говоришь, надо быть инициативнее. Вот. Я хочу попасть на главную. И предлагаю классную тему.

– На главную говоришь... – Ирина снова кидает взгляд на циферблат часов и, после секундной заминки, выносит вердикт. – Черт с тобой, заинтриговала. План статьи пришли мне в течение часа. Вероника, – снова переключает свое внимание.

Есть.

Это было... довольно просто. Даже ладошки не успели вспотеть.

Через несколько минут, с одобренными статьями у всех, кроме меня, мы возвращаемся по рабочим местам. Девчонки кидают жалостливые взгляды в сторону Шереметьева, а потом многозначительные на меня. Но ничего не говорят, потому что раздувать это конфликтное пламя раньше времени они себе не враги.

Я же с легкой улыбочкой присаживаюсь в кресло и тут же приступаю к плану статьи. На самом деле мне действительно нравится моя идея. Это шанс написать что-то свежее, особенно никем не изученное, с реальным исследованием и фактами (выкуси, Шереметьев). Да, занимайся я этим в одиночку, наверняка заблужусь в сложных экономических терминах еще в самом начале, но с помощью одного высокомерного специалиста... Ох, представляю его лицо, когда ему дадут это задание!

Хотя мечтать рановато.

Пока еще ничего не согласовано.

Вдохновленная собственной идеей и замотивированная целью, накидываю план за каких-то двадцать минут. Отправляю его Ирине и удовлетворенно откидываюсь в кресле, не сдерживая цветущей во все лицо улыбки. Кожа на щеке странно горит, словно от чужого взгляда, но стоит поднять глаза – ничего. Ноль внимания на мою скромную персону.

Гипнотизирую рабочую почту, будто ответ может появиться в любую секунду. Но вряд ли. Когда мы уходили из кабинета, начинался очередной Зум, даже планерка с новостным отложила. Но на удивление, не проходит и пары минут, как на почту прилетает одно короткое слово: одобрено.

Я вчитываюсь в это прекрасное слово и чувствую, как в груди растекается горячее удовольствие. Даже немного знобит от переполняющих чувств и легкого страха. Назад дороги нет. Я с ума сошла.

Когда Ирина вызывает к себе новостной, мандраж усиливается. Она скажет ему сейчас? Даст задание? Поставит перед фактом? Хорошо бы.

Я прослеживаю взглядом высокую фигуру сосредоточенного Арсения и шумно выдыхаю, когда он скрывается за дверью. В своих отлично сидящих брюках со стрелочками.

– Что ты задумала? – голова Ксю появляется из-за монитора, и я получаю подозрительный взгляд.

На дне карих глаз так и плещется еле сдерживаемое любопытство. Представляю, как тяжело ей было держаться эти полчаса.

– Что? – словно не понимая, о чем она, выгибаю бровь.

– Зачем тебе эти финансы?

– Тема интересная, – загадочно улыбаюсь, пожимая плечами.

Не раскрывать же мой суперплан по порабощению ума Шереметьева. Подумать только, я в шаге от того, чтобы подчинить его жизнь моим прихотям. Сейчас Ирина выдаст ему задание, он, конечно, за него возьмется, потому что выхода у него нет, и у меня появится постоянный доступ не только к его разуму, мыслям и чувствам, но и времени. Устроить исполнение каждодневного гороскопа станет гораздо легче.

Тем более позаботиться, чтобы он нашел взаимосвязь между предсказаниями звезд и его непутевой жизнью.

– А Арсений? – настойчиво интересуется Ксю, спускаясь до шепота.

– А что Арсений?

– Ладно, не хочешь, не говори, – обиженно скрывается за ноутом. – Но, когда в твою голову полетят дробинки, я прикрывать не стану. Даже помогу, – тихо прибавляет она.

Да все будет нормально. Хуже, чем сейчас, все равно быть не может!

Судя по повышенным тонам из-за закрытой двери начальника, новость уже нашла адресата. Уж конкретно этот повы-

шенный тон я узнаю всегда.

Их «десятиминутка» сильно затягивается. И это заставляет меня нервно постукивать ножкой по полу, в ожидании мгновения X – когда дверь распахнется и меня пронзят острым, пробирающим к селезенке взглядом. Жду не дождусь.

Черт.

Если бы дверь кабинета открылась с ноги я бы удивилась меньше, чем хладнокровно шествующий к своему месту Арсений. Маска непринужденности и бесстрастия. Походка уверенности и спокойствия.

А, нет, не к своему столу.

И никакой бесстрастности! Это ярость. Неприкрытая, жгучая, прибывающая меня гвоздями к стулу. Стоило только нашим взглядам скреститься, очевидная правда вылезла наружу: меня все-таки расчленят, я не доживу до тридцати, не заведу хомячка и статьи никакой не будет.

– Задание видела? – пробирающим до костей баритоном интересуется Арсений, нависающий сверху.

Надо бы встать, чтобы уровнять наши позиции и он не давил на меня своей черной энергетикой, но ноги так дрожат, что я их вместе не соберу. Все-таки я трусиха.

– Задание? – о чем он?

Шереметьев упирается ладонью в столешницу и наклоняется так близко, что нос снова заполняется его отвратным парфюмом, мешая дышать.

– Почему не отказалась? – шипит мне в лицо.

– Отказалась? – господи, мозги, перестаньте уплывать через дрожащие колени!

Максимально откидываюсь в кресле, отвоевывая спасительные сантиметры свободы и благодарю свою плохую генетику за то, что на мне сейчас очки. Не будь их, он бы пробрался мне в душу и захватил ее своим взглядом-лазером. А так – хоть иллюзорная преграда. Пока я рассматриваю льдистую радужку с играющими на ней солнечными бликами, на ум некстати приходит забавная мысль, как неправы те, кто считает голубоглазых ранимыми романтическими натурами. Я, конечно, из таких. Но вот конкретно этот обладатель сияющих, как гладь воды, глаз напротив – жесткий, импульсивный злодей.

– Я тоже не в восторге, – понимая мое молчание как-то по-своему, продолжает Арсений. – Если мы оба выскажемся против...

Так. Стоп. Он считает, что статья – не моя идея, а Ирины? Почему? Она так сказала?

– Я не... против, – шумно сглатываю накопившуюся слюну. Бери себя в руки, черт возьми. Ты здесь нападаешь, а не он!

– Что? – будто не веря, противник напротив прищуривается. И становится прямо-таки по звериному устрашающим.

Как бы у меня капилляры в глазах от такого напора не лопнули.

– Да, я не против, – уже более уверенно говорю ему. – Интересная тема. Шанс попасть на главную, – отталкиваюсь мыском от стола и немного отъезжаю на кресле от опасного разъяренного мужика.

– Это бред, – хлопает ладонью по столу и выпрямляется.

– Ирина так не считает, – легкомысленно пожимаю плечиком и тянусь к карандашу в волосах. Распускаю волосы, чтобы дать им немного отдохнуть и, чего уж скрывать, спрятать от Шереметьева свои пылающие щеки. И шею. И дрожащие пальцы.

Ловко проворачиваю карандаш между пальцами и возвращаюсь к столу, ясно давая понять, что разговор окончен.

Скорее чувствую, нежели вижу, как Арсений сдает позиции и перемещается. Дышать становится проще, шевелиться легче.

– Что за день идиотский! – зло выплевывает, садясь за свой стол.

Все по гороскопу, дружочек.

А ты говоришь – бред.

Осталось его добить. Выделяю абзац с его гороскопом на сегодня и отправляю в личку рабочего чата с припиской:

*«Звезды все знали заранее»*

## Глава 5.

*«Стрельцы, сегодня сложно будет сосредоточиться на делах в начале дня. Слишком много будет в это время искушений и соблазнов, возможностей заняться чем-то исключительно приятным, интересным, но бесполезным»*

Для женщины нет ничего проще, чем устроить маленький утренний хаос. Для идеального плана нужны лишь: немного удачи, легкая интрига и котик.

Поэтому сегодняшнее утро начинается не с кофе, а посещения приюта для животных. Моя сестрица, самой доброй души человек, держит небольшой котоприемник на заднем дворе своего дома. Ну как небольшой. На пару десятков безродных кошаков на передержке, подобранных неравнодушными людьми или отловленных на улице силами рыбных голов.

Вот что бывает с девочками, когда не позволяешь им выбрать профессию по душе. Они отыгрываются на бедных котиках. А могла бы ветеринаром работать, и вся ее неумная любовь к братьям нашим меньшим оставалась в пределах врачебного кабинета, а не отражалась на бедных домочадцах. Но мама была непреклонна. Ей срочно понадобился адвокат в доме.

Альбина встречает меня с очередным мохнатым оборванцем на руках. Такое жалкое зрелище еще поискать: изрядно пожеванное ухо, шерсть с проплешинами и глаза полные вселенской печали. То, что надо. Заверните.

– Я его возьму, – тяну руки вместо приветствий.

– Кто его тебе даст! – фыркает сестра, уворачиваясь. – Бедняга настрадался за свою короткую жизнь, не хватало ее еще укоротить! – бубнит себе под нос, шагая к дому.

– Мне нужен прям жалкий, – повторяю, хотя еще вчера по телефону расписала ей всю ситуацию. Она не так, чтобы за любой кипишь, но за родную сестру и кота не жалко!

– Будет тебе жалкий. И смиренный. Этот дикий еще совсем, только ко мне на руки идет, потому что я его с пипетки кормила первое время. Совсем ничего не ел, маленький, – сюсюкает так, как с собственным сыном ни разу замечена не была. Бедный Филиппчик, лишенный материнской нежнатины.

Мы проходим к вольерам в пристройке, и я привычно задерживаю дыхание, хотя тут максимально чисто. Дело не в котиках, а в пропитавших все вокруг медикаментах. Большинство из оборванцев поступают в тяжелом состоянии и им требуется постоянный уход, так что лекарствами здесь несет будь здоров.

– Так, там Семён, – указывает в один из домиков, сооруженных для мохнатых ленивцев. – Он самый контактный.

– Это который без глаза?

– Это который с одним, но очень умным!

– Отлично. Беру, – шагаю к полосатому чуду, который спит и в ус не дует, что его сегодня ждут веселые приключения.

– Сейчас переноску принесу.

Знакомство с весельчаком Семеном выходит быстрое и поверхностное. Но за те две минуты, что проходит от его пробуждения до заточения в клетке, я успеваю вдоволь насладиться его энергичностью. С таким котом и мужика не надо. И детей не надо. И вообще ничего не надо, он заменит все занозы сразу.

То, что надо для Шереметьевского зада.

Конечно, в глубине души я мечтаю увидеть, как на его крепкой пятой точке появятся следы зубов и когтей, но на самом деле мой план состоит вовсе не в этом.

Он многослойный, как луковица в руках Шрека.

И начинается с маленькой диверсии.

Запустить кота в офис, приманить легкой ноткой валерьяны в наш офис поближе к аквариуму с рыбками, наблюдать. Если я что-то и узнала об Арсении за эти два года, помимо его жгучей неприязни к эзотерике и ко мне лично, так это о его маленькой слабости: он не способен пройти мимо живности в беде. Судя по немногочисленным рассказам из своей скудной жизни, которыми он радовал нас раз в пятилетку, все, что этого надменного циника волнует в жизни – это четвероногие друзья. Что ни история, так о том, как он спас щенка из-под колес, возил соседского кролика по вете-

ринаркам посреди ночи или спасал мини-пига из рук недобросовестных продавцов.

Закрывать бы их с Альбиной в одном тесном чулане... но она уже замужем, а мне такой зять не нужен, спасибо. Филиппчик не простит.

А то, что быть беде – сто процентов. Я не так, чтобы очень уж кровожадная, просто меня эти лупоглазые рыбки бесят до трясучки. Как ни наткнушь на них взглядом – вздрагиваю всем нутром. Интересно, существует такая разновидность фобии, как боязнь рыб? Готова поспорить – это оно самое. С тех пор, как Шереметьев притащил этот гребаный аквариум с этими дебильными рыбками, я в вечном напряжении. А говорил, цель ровно противоположная – расслаблять.

План, конечно, сыроват.

Непредсказуемый кот и повести себя может... Но мой гороскоп мне благоволит *«все начинания сегодня будут успешными»*, так что я не нервничаю, ощущая в себе силу всё довести до конца, и верю в себя. И в Семена. И даже немножечко в Арсения.

Который сегодня снова при полном параде: выглаженные стрелочки на брюках и белоснежная рубашка, неприлично обтягивающая худощавую, но жилистую фигуру. Нашел, перед кем красоваться. Тут большинство в отношениях, а из свободных – я да Ксюха. К чему все эти щегольские замашки?

– Нравится смотреть? – поддевает Шереметьев, заметив

мой взгляд на своей нескромной персоне.

Устраивает вешалку с пальто в шкафу и одаривает меня лукавой ухмылочкой. Я снимаю очки и начинаю неистово натирать стекла краем свитера.

– Кажется я слепну, – говорю, добавив серьезности тону. – Или ты с отбеливателем перестарался.

– Смешно, – снова возвращается к каменной маске на лице. Проверяет карманы брюк, перекладывая ключи в пальто, и направляется к своему рабочему столу. – Кстати, без очков ты выглядишь лучше.

Вот свинот.

– Кстати, ты тоже выглядишь лучше, когда я без очков.

Доброе утро. Счет снова равный. Пока.

*Итак, первый этап плана пошел. Выжидаем.*

Выжидаем, пока соберется народ. Выжидаем, пока вялые утренние разговоры перетекут в рабочий процесс. Выжидаем, пока мое терпение не натянется, как струна, и не лопнет, сорвав с места в карьер. Чувствуя себя преступницей, крадусь по коридору в сторону женского туалета, где припрятан бедный Семен в переноске. Удачное расположение двух кабинок и закутка для хранения гигиенических средств, позволил не беспокоиться, что неожиданного гостя обнаружат раньше времени.

Сёма дрых.

Мохнатая лапа с мягкими пяточками торчала сквозь решетку на передней дверце, короткие усы покачивались от

мерного дыхания, а единственный глаз был плотно прикрыт. Мне бы его суперспособность отрубаться при любых тревожных обстоятельствах.

Вырвали из привычной безопасной обстановки, трясли в дороге черте сколько, держат в клетке неизвестно зачем. Но здоровый кошачий сон никто не отменял!

Аккуратно, чтобы не задеть животному лапку, открываю дверцу переноски, единственный, но жуть какой умный глаз распахивается. Семен грациозно выбирается на свет божий, обнюхивает мои руки, явно пахнущие валерьянкой, которой я пыталась наследить ему дорогу, и принимается неистово об меня тереться. А потом облизывать.

А вот этого, дружочек, не надо!

Ставлю Сёму на пол, выкручиваю кран и как следует натираю руки, чтобы избавиться от следов преступления.

Шерстяной активист трется об мои ноги, явно что-то намурлыкивая. Какой, однако, ласковый кот. И как некстати.

*Шаг два – запустить диверсанта в тыл врага.* Опускаюсь на корточки и вглядываюсь в прибалдевшую морду кота.

– Твоя задача – покушение на рыбок. Понял меня? Большие, вкусные рыбешки, ам-ам. Жирненькие, лупоглазые, м-м-м. На худой конец – одному высокомерному засранцу зад прикуси. Понял? Нужна котодиверсия. Пошли, – подталкиваю его к выходу.

Открываю дверь, выталкиваю кота в пустующий – спасибо, звезды – коридор, подталкивая ногой.

– Давай, давай, – шепотом подгоняю.

Сёма действительно оказывается на редкость сообразительным существом. Не возмущается, не плюхается на свой пушистый зад, не к месту принимаясь облизываться, а поддается призыву и следует ровно по нужной мне траектории. Шустро. Даже как-то... чересчур.

Я точно не переборщила с валерьяной?

Выжидаю несколько минут с момента, как полосатая морда скрывается за нужным дверным проемом, еще раз тщательно мою руки и, наконец, пускаюсь следом. «Изобразить удивление. Изобразить удивление» – повторяю про себя, тренируя по пути выражение лица. У меня идеальное прикрытие – меня не было, я ни при чем! Провидение само забросило к нам это прекрасное – опасное – существо. И Арсений сам решил ввязаться в благородное спасение рыбок. Или кота. Как повезет.

Но тренировка оказывается напрасной, едва я вхожу в опен-спейс, выражение шока на лице появляется как-то само собой.

– Что здесь... – мимо меня молнией Маккуин пролетает полосатое зверье, чуть не сбивая с ног. Следом, уже сбивая, Вероника. А она девушка габаритная, меня просто сметает на пол кучкой костей.

Я больно стучаюсь копчиком об пол и ошеломленно оглядываю картину Репина «приплыли». Такого хаоса наш дружный коллектив не видал с того дня, как привезли новую ко-

фе-машину. Хотя, вроде бы, тогда никто не играл в догонялки между столами, словно индейцы племени апачи. Кажется, Семен слегка неправильно понял задание. Задача была навести «легкий хаос», а не устроить кОтострофу! И почему подо мной растекается мокрое пятно?!

– Лови, Рома! – кричит Вероника, даже не взглянув на меня под своими ногами. Бросается вперед, отдавливая мне ступню и попутно чуть не сбивая еще и Ксюху, почему-то танцующую с шарфом.

Семён, какого черта?!

– Ксюш, что происходит? – пытаюсь ухватиться за кусок цветастой ткани в ее руках, чтобы привлечь внимание.

Но напрасно.

– Он ползет по шторам! – доносится со стороны рабочего места Лили.

– Выплюнь Дори, гад плешивый! – грозно рычит Вероника, пробираясь поближе к окну. За ней Ксю с шарфом.

Условно говоря, там и не шторы вовсе, а вполне себе современные жалюзи, но Семе это не преграда. По-прежнему в полном недоумении, как можно было поставить на уши весь офис за полторы минуты, что меня не было, наблюдаю, как в пасти насквозь мокрого кота барахтается плотно сжатая рыбешка. Моя нелюбимая.

Когда он успел? Как? Спасибо.

– Поднимайся, – возле меня вырастает высокий силуэт, закрывая обзор на зрелище. Я кидаю взгляд на протянутую

мне руку и, после целой секунды раздумий, вкладываю свою ладонь в его.

Арсений рывком поднимает меня на ноги. Я успеваю поблагодарить его кивком, пока осознаю его теплую кожу своей, пока приходит понимание, что это наш первый такой продолжительный телесный контакт и еще... что у меня вся задница мокрая. Не знаю даже, что смущает меня сильнее.

– Да что здесь происходит? – вырываю руку из мягкого плена и скручиваюсь в загогулину, пытаюсь понять масштаб джинсовой катастрофы. Огромное мокрое пятно, естественно.

– Откуда-то взялся кот, – прокашливаясь, поясняет Арсений.

Делает шаг от меня, неожиданно осознав, как близко мы стоим. Буквально нос к торсу. Я возвращаюсь к нему взглядом и шумно выдыхаю. Ладно, с мокрым до трусов задом разберемся потом. Нужно брать свой никудышный план под контроль.

– А рыба у него во рту... – машу в сторону окна, где танцуют уже четверо, безуспешно пытаюсь согнать наглую мокрую морду с карниза. Рыбке конец, однозначно.

– Запрыгнул в аквариум с разбега, никто среагировать не успел.

– Жалкое создание... – тяну я, выглядывая из-за его плеча.

*Шаг три: вызвать чувство ответственности за неради-*

*вое существо.* Раз рыбку уже не спасти.

– Иди просушись, – не реагирует на мою инсинуацию Шереметьев. Даже на то, как сзади вопят девчонки и пыхтит Рома, забирающийся на стол Лили с ногами.

Ну и где это хваленое «все начинания будут успешными?» Пока все скатилось в полную катастрофу.

– Откуда вообще эта лужа! – в отчаянии снова ощупываю свой зад. Ничего не изменилось: мокрый.

– Напрудил котяра.

– Чего?! – в ужасе одергиваю руки и кривлюсь от отвращения. Арсений, гад, придушено ржет.

– Это просто вода из аквариума.

Ну гад же.

Я и так в ужасном положении, а тут еще его неуместные шуточки. И вообще, чего он возле меня трется? Разве он не должен сейчас быть спасителем и мессией в одном лице? У меня же план!

– Держи, – Шереметьев снова делает шаг ко мне, съедая весь воздух, и оборачивает вокруг моей талии неизвестно откуда взявшийся джемпер. Снова фокусы. Мое ошеломление переходит в стадию оторопи. Что... что он делает?

Очевидно, повязывает мне на талии свой свитер. Очевидно, поэтому его ладони скользят по коже. Нет, по рубашке, но кажется, что по коже. Всего секунду, не больше. Но меня заливают густым жаром. Нельзя подпускать врага так близко. Это же первое правило на войне.

– Спасибо, – нервно вырываю у него из рук рукава джемпера, делаю три спасительных шага от него, и сама в один оборот завязываю узел. – Теперь я должна тебе почку или что-то вроде того?

– Что-то вроде того, – сухо говорит он, поворачиваясь, наконец, к спектаклю за спиной. – Да оставьте животное в покое. Он просто голодный, – шагает к кучке коллег, застывших под Сёмой с воинственными лицами.

– Он сожрал Дори, – возмущается Вероника.

– Не велика потеря, – тихо бросает Арсений, закатывая рукава.

Я, все ещё в ступоре, наблюдаю, как он сгоняет Рому со стола Лили и отбирает у Ксю ее цветастый шарф. С ловкостью циркача он выманивает настороженного Семена прямо в свои раскрытые объятия. Сытый кот одаривает всех собравшихся надменным взглядом одного глаза и устраивается на руках Шереметьева, закутанный в теплый шарф. Как он это делает?

Уже через полчаса все забывают об ужасном инциденте и даже возмущения по поводу бедной сдохшей лупоглазой рыбешки стихают. Не знала, что все так к ней привязаны.

Арсений давит на корню все предложения вышвырнуть облезлое чудо на улицу и даже то, где предлагают усыпить его, чтоб не мучался. Спокойно обтирает мохнатое недоразумение и приносит ему сливки из холодильника.

Еще через час картинка становится умильной: Семен

расположился на коленях Арсения и при любой попытке сдвинуть его и поработать, негодуяюще шевелит хвостом. То же, к слову сказать, весьма потрепанным.

*Шаг четвертый: наслаждаться успехом.*

Ирина от нового лохматого сотрудника в восторг не приходит, но еще в меньший восторг ее приводит факт, что статья Арсения в кои-то веки не готова вовремя. Я улыбаюсь, скрываясь за экраном. Выделяю очередной кусок прогноза для Стрельца и высылаю ему в личку.

Идеально.

Осталась только одна неразрешенная проблема: как забрать кота?

## Глава 6.

Звуки клавиш тревожат пространство опен-спейса уже второй час. После утреннего приключения с бешеным котом и съеденной рыбкой всем нужно наверстать отложенную работу. Арсений печатает в поте лица, которое мне не видно, когда Ксю, как сегодня, наводит Вавилон на башке. Но мне и не надо. Кажется, за годы нашей холодной войны я изучила все его повадки.

Наклон головы, когда он задумался, напряжение плеч, когда сосредоточен, взгляд, когда хочет сожрать мою печень с острым соусом. И то самое бесячее выражение лица, словно ничто не существует, только он, его мысль и ноутбук.

Уверена, сейчас он именно в том состоянии.

Я незаметно выглядываю из-за своего экрана, будто бы что-то ищу в бардаке на краю стола. Так Ксюха не закрывает обзор. И кидаю взгляд на Шереметьева.

За пару часов я успела забыть, что в офисе поселился кот. А вот Арсению это не грозит. Сёма безраздельно пользуется пространством, которое ему любезно предоставили. Разложилась всей своей криво просушенной шерсткой на столе, прямо перед клавиатурой, явно мешая работать. Но Арсению словно бы все ни по чем. Одной рукой он продолжает набирать текст, а второй поглаживает слишком уж наглое су-

щество перед собой.

Если бы он хоть на четверть относился так же к людям...

Я громко фыркаю, понимая абсурдность собственных измышлений. Скорее рак-альбинос на Висячей скале свистнет, чем Шереметьев полюбит меня людей.

На мое неуместное фыркание тут же реагирует Ксюха. Палит мой взгляд на Арсения и подозрительно прищуривается. Вот сейчас понадумает себе всякого, а мне потом эти сплетни ближайший год разгребай. Я закатываю глаза, как бы намекая, что картинка у нее за спиной – атас и возвращаюсь к работе.

Я тоже не пинала Плутон все это время, составила прогнозы на завтра и теперь пора обдумать новый план по порабощению ума Шереметьева. Это сложно. Очень сложно. Потому что, если верить гороскопу (а я ему верю, как себе), завтра Стрельцов ожидают непредвиденные траты. И я в душе не чаю, как это организовать без вандализма или мелкого хулиганства.

Свитер что ли ему подпортить? Тот самый, который защищает мой мокрый зад от простуды?

Но это совершенно бесчестно.

Арсений вроде как... спас положение. А я и так отсидела хороший трикотаж своей мокрой точкой. Честно говоря, я всерьез обдумываю взять его домой и постирать, после всего, что бедный свитерок сегодня от меня натерпелся.

Так что плана все еще нет. Зато есть работа над статьей,

которую я еще не начинала.

А пора.

«*Занят сейчас?*» – пишу в чат Арсению.

А: «*Ага*» – отвечает мгновенно. Ты посмотри, оторвался от кота. – «*Занимаюсь чем-то исключительно приятным, интересным, но бесполезным*» – копирует часть моего же сообщения с прогнозом.

Ну не жук ли? Все еще не верит!

«*Когда нагладишь кота, может быть, займемся статьёй?*»

А: «*Я уже начал*»

Трижды жук.

«*Мне нужна от тебя информация*»

А: «*Прости, я не умею гадать по млечному пути*»

«*Ха-ха*»

«*А складывать буквы в слова умеешь?*»

По экрану бодро пляшут три точки. Но я не даю разгуляться его остроумию.

«*Мне нужны от тебя даты самых знаковых экономических событий. Набросаешь?*»

Три точки снова пляшут по диалогу, томительно растягивая секунды. Он что там поэму написывает мне в ответ? Снова выглядываю из-за монитора, но Арсения по-прежнему закрывает буйная шевелюра Ксюхи. Вижу только кусочек острого, почти эльфийского уха и довольно коротко выстриженный русский затылок. Какая удивительно правильная фор-

ма черепа для такого нехорошего человека.

Чат пиликает входящим.

«Ок»

И всё?

Все эти длинные прыгающие точки вели к двум скучным буквам? Не вер-рю. Накатал колкий ответ и стер, как пить дать. Вопрос только почему?

Боже, с этой работой и Шереметьевым на закуску я стала параноиком.

Возвращаюсь к статье, накидываю введение.

Так:

«*Могут ли звезды влиять на ваши инвестиции?*» – печатаю то единственное, что придумала. Неплохо. Но что дальше?

Постукиваю карандашом по столу, прикидывая идеи. Как же все это непросто. Почему же остальным дается легче?

«*Инвестиции – это...*» – начинаю я. Что же такое инвестиции, действительно?

Лезу в Гугл, чтобы уже через минуту с громким стоном уронить лицо в стол. Ресурсы, финансовые проекты, материальные, нематериальные, инвесторы и иже с ним. Убейте меня кто-нибудь. Не понимаю, как этим можно всерьез интересоваться?

Это какой-то очень специфический склад ума должен быть. С полной тригонометрией головного мозга. Как у Арсения, да.

– Я отправил инфу тебе на почту, – возле стола материализуется Шереметьев. Помянешь черта...

– Что? – выпрямляюсь, отфыркиваясь от волос.

– Даты, события. Подробности погуглить сама додумаешься?

– Нет, у меня лапки, – огрызаюсь в ответ. – Ой, прости, это у тебя лапки! – киваю на кота, который трется у него в ногах. Сёма – предатель, изменщик и саботажник. Я все запомнила! – Заберешь его домой? – прошупываю почву.

Сестрица будет недовольна, если я непонятно кому отдам ее питомца. Она всегда очень тщательно проверяет тех, кто приходит к ней за котами.

– Взял бы, но у меня дома собака... – Арсений переводит тяжелый взгляд на Сёму и озабоченно сводит брови.

Итак, в копилку знаний: у него есть собака. Это мне на руку.

– Я могу забрать, – непринужденно веду к нужному мне решению.

– Правда? – недоверчиво переспрашивает он.

– Да, а что? – смотрю на него с вызовом.

– Не знал, что ты любишь животных, – прислоняется бедром к столешнице, словно этот разговор начинает его действительно интересовать.

Я не прям помешанная, но серьезно... кто может не любить животных? Лупоглазые рыбки не в счет!

– У сестры небольшой питомник. Одним больше, одним

меньше... – поясняю ему.

– Питомник?

Черт. Он сейчас сложит два плюс два. Ну зачем сказала правду? Что за патологическая честность?

– Она с детства тащит домой всех побитых жизнью зверей. Как этот, – киваю на подбитого летчика с облезлым хвостом. – Хорошая душа.

– У вас точно одни родители? – усмехается, гад!

– У тебя они вообще есть? – взрываюсь я. Но тут же жалею о вылетевших изо рта словах, Арсений меняется в лице и становится бледно-каменным, как изваяние. – Тебя явно не учили, как разговаривать с девушками, – добавляю тише.

– Не учили, – безжизненно бросает Шереметьев, отталкивается от стола и выходит в коридор. Кот, как мне кажется, бросает на меня уничижительный взгляд и семенит следом.

Черт.

Теперь я тут злодей.

Ну и как это вышло?

Вечер подкрадывается незаметно.

И не удивительно. Вы когда-нибудь пытались разобраться в дебрях экономических кризисов и дефолтов с нуля?

Лучше даже не начинать.

Я ни черта не понимаю.

Снимаю очки и зажимаю глаза пальцами. Мне больно. Больше, конечно, от собственной неспособности разобраться в темном лесу терминологии и скучных дат, но и глаза к

концу дня можно выносить на блюдечке. Господи, зачем я все это затеяла?

– Остаешься? – спрашивает Ксюха, отвлекая меня от внутренних страданий. Я открываю глаза, кидаю взгляд на часы. Как же быстро наступил вечер.

– Нет, пару минут и тоже буду собираться, – откидываюсь на стуле и разминаю шею.

Нужно же забрать несносного кота! Да так, чтоб никто не заметил заныканную переноску. А значит, переждать побег коллег в родные пенаты.

Ждать долго не приходится. Заветные 18:00 действуют на людей получше тревожной сирены. Шуршат сумки, скрипят колесики отодвигаемых стульев, разносится звук выключаемой винды. А когда все стихает, я, наконец, вытягиваюсь в струну, разминая затекшие мышцы спины и, с громким стоном наслаждения, встаю с места.

Упс. Я все еще здесь не одна.

И Арсений, в отличие от меня, мое присутствие явно заметил. Смотрит своим «я сожру твои потроха» взглядом и не мигает. Уэнсдей на минималках.

Какого черта Шереметьев все еще тут? Разве его не ждет дома пес? Девушка? Мама?

Если подумать, я ничтожно мало о нем знаю. Ничтожно. А второе правило войны гласит: знай врага лучше друга своего. Как же иначе его победить?

– Не уходишь? – интересуюсь как бы между прочим.

– Жду тебя.

– Меня?

Ну точно, сегодня мой труп, наконец, найдут на дне канавы.

– Ты кота собралась забирать. Забирай, – поднимает руки вверх, отъезжая на стуле от стола и являя разложившегося на его коленях Семена.

Пфф, тоже мне, взял на понт. Да без проблем!

Делаю пять решительных шагов и замираю перед Арсением. Его насмешливый взгляд словно бросает мне вызов. Он действительно думает, что я не решусь забрать с его коленей кота? Он тоже ничегошеньки обо мне не знает.

Выдавливаю непринужденную улыбочку и медленно наклоняюсь вперед. Если бы гаденыш Сёма мне подыграл и вскочил на лапы, было бы идеально. Но мохнатая зверюга спит без задних лап, уткнув нос в пах Шереметьева. На больное лег, не иначе.

Ну что, начнем? Заныриваю ладонями под на удивление тяжелую тушку безродного котяры и невольно ощупываю напряженные мышцы ног козла Арсения. Черт, у него не только брюки со стрелочками, еще и ноги с мускулами. И для кого это все?

Над головой проносится свистящий выдох. Не иначе как от облегчения, что пятикилограммовую ношу сняли. Семен на удивление не брыкается, вяло открывает единственный глаз и, увидев меня, спокойно перемещается в мои объятия.

– Пошли, Сёма, – говорю на автомате, выпрямляясь и поглаживая бедное животное. Хотя кто тут из нас бедный еще надо проверить. Этому созданию, в отличие от меня, сегодня досталось все: и приключения, и вкусная рыбешка, и почесывание за ушком.

– Сёма? – раздаётся уже за спиной.

Черт. Прокол за проколом.

Не встал, так и сидит. У него там ничего не затекло, не? Похоже нет, судя по звуку прокатывающихся обратно к столу колес кресла.

– Ну ему же нужно имя, раз он теперь мой, – отмахиваюсь и несу кота к своему столу. Даже не смотрю на Шереметьева. Блин, собирайся домой, чувак.

– Твоей сестры, если точнее, – не упускает шанса поддеть.

– На ближайшие часа два – мой, так что имею право называть, как хочу. Посиди пока тут, дружок, – обращаюсь уже к коту, пристраиваю его на столе и достаю сумку, чтобы всем своим видом показать, что собираюсь домой.

Хотя Шереметьев на меня и не смотрит, самозабвенно щелкая что-то в компе.

Если уж ему так горит поработать сверхурочно, я сваливаю. Думаю, у меня вполне может получиться прошмыгнуть из туалета по коридору с переноской незамеченной. А нет, так нет. Поедет Сёма на руках, никуда не денется. Вон, там в аквариуме еще одна глазастая рыбка плавает, утихомирю его привлекательным ужином!

– И далеко ехать? – вырывает меня из стратегических мыслей Арсений.

– Чуть за МКАД на Юго-Запад, – какого-то черта объясняю я.

Неизвестно зачем.

Может еще ему мой адрес назвать и дать ключи от дома, где деньги лежат?

– Хорошо, поехали, – Шереметьев встает из-за стола, и я непонимающе смотрю на него. До меня не слишком-то быстро доходит смысл предложения. А точнее постановки перед фактом. Это что всё это значит?

– Куда?

– Не повезешь же ты его через пол-Москвы на руках? Нужна переноска, – получаю полный снисходительности, мол, ты дуручка совсем что ли, взгляд.

– Я справлюсь, спасибо, – отказываюсь наотрез. Еще чего удумал. Он, я и тесная машина, на которой можно с легкостью завезти в лес! Не-а, дудки. Меня таким фокусом не провести, не безмозглые шестнадцать уже.

– Не справишься, – со спокойным убеждением говорит он. Подходит, подхватывает Семена на руки и направляется на выход.

– Э! Верни мне кота! – хватаю со стола сумку, успеваю вырубить ноут, захлопнув крышку, и настойчиво топаю следом.

Но догнать Арсения с его размашистым шагом ни разу не

просто. Все эти дурацкие мускулистые ноги под брюками!

– Слушай, тебя дома разве не ждет собака, а? – кидаю ему в спину, мелкими шажочками семеня следом. Выхожу из офиса, киваю охраннику, скучающе ждущему, пока последние трудоволики свалят, чтобы закрыть помещение и свалить домой. Врываюсь в ветреный вечер сразу за высоченным Арсением, прикрывающим меня от тут же поднявшегося облака пыли.

– Малибу потерпит до вечера. Она приучена.

– Малибу? Твою собаку зовут Малибу? – отчего-то становится смешно. Странное имечко, впрочем, каков хозяин...

– Вообще-то она Молли-Бу, – начинает объяснять Арсений, но тут же отмахивается. – Не важно.

Ага. Понял свою стратегическую ошибку и решил перекрыть доступ к информации! Умный враг.

Пиликает сигнализация, мы останавливаемся возле Ниссана на больших колесах. Да, с таким как раз по бездорожью к сестре гонять. Но постойте, я же не собираюсь.

– Так, я с тобой никуда не поеду, давай кота и до свиданья, – упираюсь и не сажусь в заботливо приоткрытую для меня пассажирскую дверь.

Заманивает!

– Хватит упрямиться, – нетерпеливо выдыхает Шереметьев. Закидывает кота на заднее сидение и подходит ко мне.

– Что? Потщишь силой? – усмехаюсь ему в лицо, хотя

приходится серьезно задрать голову вверх для этого маневра.

– Поташу, – хватает за локоть и вот, я уже забираюсь на высоченное сидение. Следом захлопывается дверь. Какое... свинство! Хотя, к его чести, проделал он этот трюк мастерски, не причинив и доли дискомфорта. Чертов фокусник. – Заедем в ветеринарку, – усаживается рядом и вставляет ключ в зажигание.

– Это еще зачем?

– Ты такая безответственная, – качает головой. – Это бездомный кот, на нем может быть такой рассадник... вплоть до бешенства.

– Ты такой ханжа! – не остаюсь в долгу.

Пристегиваюсь и возмущенно фыркаю. Да на таком коте еще и пахать можно! Уж сестра его выходила, вылечила, привила с ног до головы. Вот кого бы следовало проверить на бешенство, так это Шереметьева.

– Все-таки почитала словарик на ночь, – хмыкает гад, заводя машину.

– Были дела поинтереснее, – хмыкаю в ответ. Выкуси!

Арсений замолкает с привычным выражение лица: подсчитывает, сколько стоит моя почка на черном рынке, точно.

Мы выезжаем на дорогу в полной напряженного молчания тишине. Семен сзади дрыхнет, устроившись на кожаном сидении. Не могу его винить, если у него тоже обогрев сидений, как у меня... Черт, только ради этого надо купить тачку.

– Так и что там у меня на завтра по твоему гуру-прогнозу? – нарушает тишину Арсений.

Попался. Он попался! Пропускаю мимо ушей его язвительный тон и снисходительный эпитет, и сдерживаю внутреннее ликование.

– Хм, – беззаботно пожимаю плечами. – понятия не имею. Я такие вещи не запоминаю.

– Ну да, конечно, – фыркает, ты посмотри. – Напророчила мне завтра очередные проблемы с руководством, или кирпич на голову?

– Ах, если бы. Но это так не работает, – отворачиваюсь к окну. – И чтобы ты там не думал, я не из головы все это беру.

– Ага, ага.

И такой снисходительный это тон, что я твердо для себя решаю: пора поступиться принципами. Пора применить тяжелую артиллерию. Во имя Венеры и Марса. Аминь.

## Глава 7.

*Стрельцы, осторожнее с деньгами: сегодня вас ждут непредвиденные расходы, крупные траты, неудачные сделки. Будьте внимательны.*

Видит бог, я этого не хотела.

Открываю окно, беру горшок с геранью и...

Я правда не хотела.

Но моя оправданная злость все возрастает с каждым днем и ироничным взглядом. Непробиваемый человек. Глухая скептическая стена. Ненавистник всего и вся.

Кроме животных.

Это на себе испытал травмированный Сёма, с лап до ушей осмотренный вчера ветеринаром за счет Шереметьева. И я, которую покатали по Москве и за ее пределы только благодаря коту в моих руках. Благо, отделаться от незваного провожатого и спровадить его удалось до того, как запалит сестра. Иначе слишком много пришлось бы объяснять. Особенно на тему: почему я упускаю такой шанс наладить свою личную жизнь. Альбина просто помешана на идее устроить меня в руки какому-нибудь очередному Стрельцу. А не Стрельцу, так Овну.

Но нет уж, спасибо. Одиночество – осознанный и счаст-

ливый выбор.

Сухо поблагодарив Арсения за доставку, я пожелала ему не хворать и скатертью дорогу до дома. Даже постаралась не хлопнуть как следует дверцей, так он меня взвинтил за те два часа, что мы вынужденно общались.

Спасало только радио в машине, позволяющее делать вид, что я меломан на всю широту своей души. Иначе без травм бы не обошлось.

И вот, вчера Семен сдан на руки сестре – счастливый и сытый. А уже сегодня я творю совершенно не свойственную мне дичь, мысленно и заранее замаливая собственные грехи. Примеряюсь, высчитывая траекторию и насколько мой план безумный. Спойлер – это вышка по шкале невменяемости. И снова ставлю горшок на подоконник.

Это сработает. Однозначно.

Но замаливать сей грешок придется волонтерством, однозначно.

– Ты в последнее время раньше всех, – в офис заходит Рома, который всегда приезжает первым, потому что забрасывает ребенка в садик.

Раньше приезжал. Теперь я, одержимая идеей, ни свет ни заря, тут как тут.

– Весна – не до сна, – улыбаюсь единственному семьянину из наших мужчин.

Вот кто не строит из себя всезнайку. Приятный во всех отношениях человек, хотя специфика работы вполне могла

оставить след на характере. Но нет. Поэтому-то и женат.

– Понимаю, – многозначительно расплывается в улыбочке в ответ, явно понимая все совершенно не так.

Я вдыхаю весенний воздух, просочившийся из открытого окна, на всю глубину своих легких и еще раз даю себе шанс передумать.

*«Псевдонаука, блажь скучающих домохозяек, безмозглые дуры»*

Нет, не передумую.

Под окном раздается шорох шин паркующейся машины, сердце пропускает удар, чтобы вновь запуститься в ритме бешеных барабанов. Не узнать тачку Шереметьева нельзя, он всегда ставит ее на одно и то же место – ровно под окном, чтобы время от времени на нее поглядывать. Я подзреваю, что у него есть легкое нервное расстройство, при котором ему нужно все вокруг контролировать – машину, время, жизнь других людей.

Псих.

Отталкиваюсь от подоконника и отхожу к своему рабочему месту. Нельзя, чтобы меня застали на месте преступления. Хотя в итоге он все равно может меня обвинить. Но риски оправданы.

Через несколько минут по офису проносится низкое «доброе утро».

Я напрягаюсь, потому что мне кажется, его пристальный взгляд буравит меня насквозь. Забавно будет, если окажется,

что он умеет читать мысли. Я столько старалась – и все зря. Но это, конечно, невозможно. Нужно помнить о той тонкой грани, которая отделяет мои страхи от реальности. К тому же, Арсений вообще на меня не смотрит, это все моя паранойя.

Он, с присущей ему неспешностью подходит к шкафу, достает оттуда плечики и размещает на них свое песочное пальто. Безупречное. Расправляет воротник, проверяет карманы. У него точно ОКР!

Я усиленно делаю вид, что уже вся в работе: открываю вчерашние вкладки, проверяю входящие в почте, ищу карандаш. Да куда они вечно пропадают!

– Кто открыл окно? – гремит недовольное со стороны Арсения.

Мы с Ромой многозначительно переглядываемся, прежде чем я открываю рот.

– Пусть немного проветрится, – явно вступается за меня Рома.

Да, вот поэтому он женат. А Шереметьев – нет.

– Весна, Арсений, – подаю я голос из-за монитора.

– Я заметил, спасибо, – сухо отвечает он, начиная прибираться на стерильном рабочем столе.

Псих, псих, псих.

– Ой, какая сегодня по-го-да, – влетает в офис Вероника. – Птички поют, солнышко светит, никто не болеет, – радостно тархтит она о наболевшем.

Таких дней у нее мало. Трое детей очень любят болеть по очереди.

Я улыбаюсь. Как мало иногда человеку нужно для счастья. Чтоб дети не болели, чтобы солнышко светило, чтобы герань упала на машину врага.

Прости меня, боже. Мысленно каюсь в очередной раз, еще даже не нагрешив.

Постепенно офис оживает, наполняется людьми. Все шумно болтают, наливают себе утренний кофе, радуются пятнице. Один Арсений хмуро вглядывается в компьютер, хотя до начала рабочего дня есть еще пять минут расслабухи.

Потирает шею крупной ладонью, щурится.

Может, порекомендовать ему моего офтальмолога?

– Как вчера все закончилось с котом? – интересуется Ксю, садясь за рабочий стол и перекрывая обзор на Шереметьева.

– Благополучно. Сытый и относительно здоровый передан в руки сестре.

– Сытый? – Ксюха расширяет глаза и переводит взгляд на аквариум.

– Да не трогал он больше рыбок, – цокаю я.

За головой Ксюши вырастает силуэт Арсения. Он идет к окну. Нет-нет-нет, он же сейчас все испортит!

– Не закрывай! – ору я, вскакивая с места.

– Проветрилось достаточно, – резко бросает он и берется за горшок, который подпирает окно.

План на грани провала.

– Что ты за человек такой, Арсений! – возмущаюсь я. Кажется, чересчур визгливо. – Окно открывается только у тебя!

– Еще пять минут и мне задует шею, – выдавливает сквозь зубы.

Я хватаю сверток, что заранее приготовила, и кидаю его в Шереметьева.

– Лови!

К его чести, реакция у Арсения что надо. Он успевает обернуться и поймать собственный свитер. К моей чести – постиранный с кондиционером «альпийская свежесть».

К несчастью – его, конечно, не моему – горшок он из рук выпускает, а следом и сбрасывает его бедром из окна.

Все происходит за долю секунды: глухой звук удара, звонкая сигнализация автомобиля, тихое, но злое в своем отчаянии «твою мать».

Ладно. Все вышло даже лучше, чем я предполагала. Или хуже.

– Прости! – вырывается из меня жалкое.

Да, глупейшее желание извиниться, когда сама же диверсию и совершила. Но чувство вины оно такое – произвольное. И непрошенное.

– О, Господи! – я бросаюсь к окну, чтобы высунуться в него вместе с кипящим от злости Арсением. – Мамочки, – пишу, рассматривая ущерб.

Хотя так сразу и не понять его размер. Лететь цветку было не высоко, но тяжесть герани сыграло свою роль – горшок в

щепки, весь капот засыпан землей.

Я крепко поджимаю губы и медленно – и виновато – поворачиваюсь к Арсению. Он выглядит не очень. Мягко говоря. Челюсть сжата до опасных углов, ноздри раздуваются, стягивая воздух словно перед гневным взрывом. Я вся сжимаюсь.

– Прости, – еще раз тихо-тихо каюсь я.

Ужасная из меня преступница. Просто отвратительная. Отходчивая и совестливая. Это все влияние Юпитера и ко мне затесавшегося со своими морально-нравственными ориентирами.

– Сам виноват, – цедит Арсений. Разворачивается, гневно кидает сверток со свитером на свой стул и широким шагом направляется на выход.

В офисе повисает тишина, разрезаемая лишь моим громким сердцебиением. Это что же, он меня выбрасывать следом за горшком из окна не собирается?

Повезло.

На ватных ногах я отступаю к своему рабочему месту, испытывая такие внутренние колебания, что кажется, меня штормит.

– Вот это был тачдаун, – бросает мрачно Денис. Эта его спортивная терминология мне ни о чем не говорит, но подзреваю, что то – камень в мой огород.

И мне становится хуже. Хотя куда уж, казалось бы, хуже...

– Ты не виновата, – утешает сердобольная Ксюша. Чем

только копает мою яму из чувства вины глубже. Вообще-то все ровно наоборот, виновата только я. Ну что за недоделанная рецидивистка?

Что ж, вот и настало время замаливать грехи волонтерством.

Отрываю нижний ящик стола, вытягиваю завалившийся там пакет и, сжав его в кулаке, решительным шагом направляюсь на выход. Солнышко, птички, это все, конечно, очень хорошо, но не в момент полного морального падения.

Стоит ли того наука? Я уже и не знаю. Не так страшны и обидны теперь кажутся его вчерашние слова. Отходчивость, кстати, это тоже влияние крупнейшей планеты. Чтоб ее.

Подхожу к машине Шереметьева, где он уже убирает с капота последствия моих научных экспериментов, и без лишних слов присоединяюсь к нему. Получаю жалящий взгляд исподлобья и берусь за ликвидацию последствий. Скидываю в импровизированный мусорный пакет многострадальную герань, черепки, одновременно подставляя его для тех же целей Арсению. Он молчаливо помогает мне избавиться от всех крупных кусков, хотя, наверное, это все же я ему помогаю. И какого черта я не сообразила взять цветок в пластиковом горшке? Боюсь даже представить ущерб от этого глиняного тяжеловеса.

– Ай, – одергиваю руку от острого края очередного осколка. На большом пальце появляется кровавая полоса. – Черт, – рефлекторно засовываю подушечку пальца в рот. Ду-

рацкая детская привычка, не хватает только найти подорожник. Что, кстати, не такая плохая идея, пластырь я, какого-то черта, до сих пор не научилась носить с собой.

А ведь это уже второе ранение за неделю. Я так часто занимаюсь кровопусканием, что скоро сама себя начну подозревать в оккультных приемчиках. Ну или это просто-напросто вселенная отвешивает мне люлей за мои грязные делишки.

Нет, злодейка из меня решительно никакая. Впредь обойдемся без тяжелой артиллерии.

– Кусок несчастья, – бурчит Арсений, в очередной раз проворачивая свои магические фокусы с доставанием кролика из шляпы платка из кармана. Серьезно, ну кто в наше время носит тканевые платочки в нагрудном кармане рубашки?

Не успеваю я удивиться отглаженному куску ткани, как мою руку перехватывают решительные пальцы, а ранение оказывается наскоро перевязано. Моя ладонь задерживается в его чуть дольше необходимого, так, что я замечаю разницу температур нашей кожи и твердые мозоли, которые не встретишь у офисных планктонов.

Интересный новый факт.

Арсений явно тягает железо.

– Все нормально, – отбираю у него свою руку и перекидываю в нее мусорный пакет, чтобы продолжить убирать другой рукой.

– Зачем вообще пришла, – Шереметьев продолжает бух-

тетя, как старый дед.

– Совесть не позволила наблюдать из окна, – киваю на офисные окна, из которых не свесился только ленивый. Явно рассчитывают на шоу, или очень горят желанием проходить свидетелями по делу о моем будущем преднамеренном убийстве.

– Я же сказал, нормально все, сам виноват, – отчего-то злится сильнее Арсений.

Нет, ну дела. Я ему помогаю тут, на себя вину беру, а он еще недоволен!

– Ты невыносим, – загребаю ладонью землю и пытаюсь смести с капота. Добраться до злополучной вмятины. И убедиться, что мне не заготовлена участь недельной бессонницы.

– Ты несносна, – парирует Шереметьев.

– Неблагодарный! – едко возмущаюсь.

– Неа...

Начинает и тут же захлопывает рот.

– Что? – резко выпрямляюсь и пронзаю убийственным взглядом этого противного человека.

Все ему вечно не так!

– Ничего. Кто же руками это делает, – неприятно цокает, огибает капот и открывает заднюю дверцу. Достает щетку для чистки машины и двумя размашистыми движениями стряхивает всю землю. – Теперь грязная, как... – кидает взгляд на мои руки и закатывает глаза. Бесяче.

Какой же он... какой!..

Чуть не лопаюсь от возмущения. И я еще жалела его машину!

Да тут едва заметная вмятина под слоем земельки оказалась, а я опять облита с ног до головы. Ну нет, Арсений, сегодня тебе чистеньким из этого не выбраться.

Бросаю пакет с мусором на землю, делаю решительный шаг к наглецу и, пока он не понял мой маневр, вытираю ладони о его безупречную рубашечку.

Раз уж дело на то пошло – запишем еще один пункт в непредвиденные расходы Стрельцам. День у них сегодня такой. Я ни при чем.

А спина у Арсения... ничего. С буграми. Мешки с картошкой он что ли по ночам таскает?

Если так – то дело дрянь. Еще секунда промедления, и он выйдет из оцепенения, в которое вошел, как только мои ладони коснулись его лопаток и ка-а-ак обернется...

– Беги, Уля! – разносится над головой.

А Ксюха дело говорит!

Последний раз вдавливаю грязные пальцы в хрустящую ткань цвета яичной скорлупы, придавая ей авангардизма, и резко отстраняюсь. Еще секунду трачу на то, чтобы убедиться: бежать нужно быстро, напряженные плечи опасно разворачиваются, а скрипу зубов может позавидовать Хищник. И, собственно, бегу. Нет, улепетьваю.

И, сама не понимая почему, хохоча.

Так быстро не бегала с момента сдачи школьных нормативов. Взлетаю по лестнице, влетаю в офис и оглядываюсь, где бы спрятаться. Очевидное решение: за спинами коллег, которые разделились на два лагеря: встречающие меня кучкой девчонки и высунутые из окна парни, что-то выкрикивающие Арсению.

Так, стоп. Он что, за мной не бежит? Это зря что ли весь этот бьющий в голову пульс, сбившееся дыхание и ломота в мышцах, о которых я уже позабыла?

– Да ПДРом[1] вытянут, – кричит Рома что-то на мужском. – Уложишься в десятку.

– Не, придется еще полирнуть, – возражает Денис. – Дать тебе номер моего ремонтника? Сделает быстро.

С улицы доносится приглушенный ответ. Да, он пока – там, но скоро, без вариантов, будет здесь. И тогда мне несдобровать.

– Я б на твоём месте взяла на сегодня отгул, – ржет Лиля, похлопывая меня по локтю.

– Да, к понедельнику подостынет, – поддакивает переживательная Ксюха.

– Сходи к Ирине, пока не поздно, – чуть не выталкивает меня в шею сердобольная Вероника. – Скажи, дома поработаешь сегодня.

На заметку: еще одна дурацкая черта моего характера – жесткое сопротивление всему, что мне навязывают. Даже если себе во вред – всё во мне сопротивляется мнению боль-

шинства. Вот и сейчас, вопреки истинному и рациональному желанию сбежать подальше от разъяренного мужика, я гордо расправляю плечи и с пафосом заявляю:

– Вот еще!

– Спокойно сегодня не поработаем, – вздыхает Валя со своего места, единственная, кто не присоединился к хаосу.

– Когда вы уже успокоитесь, – закатывает глаза Лиля. – Переспали бы и...

– Чего??? – возмущенно восклицаю я.

Я и Арсений? Что за дикая мысль!!!

– Да помолчи ты, – толкает Лилю в бок Ксюша. А сама еле сдерживает улыбку. Это как понимать вообще?

– Ты! – возникает на пороге Шереметьев.

И тычет в меня... нет, не пальцем, взглядом. Реально, будто палкой по затылку заехал, аж ноги подкашиваются.

– Так, я извиняюсь, – поднимаю вверх ладони в примирительном жесте и отступаю назад, стараясь прикрыть тылы собравшимися вокруг меня девчонками.

Я и сама уже остыла. Отвага, слабоумие и отходчивость. Это все, что обо мне стоит знать.

– Это Tommy Hilfiger, – резко бросает он, оттягивая на себе рубашку.

– Это ни о чем мне не говорит.

Лиля наклоняется ко мне и на ухо поясняет:

– Десять косарей за рубашку.

– Оу, – что за выпендрожник! – Я постираю!

– Постирала уже, – бубнит Шереметьев. Широким шагом огибает наш маленький кружок, подходит к столу, забрасывает себе на плечо свитер с ароматом альпийской свежести и ущерба на десять тысяч, и снова направляется на выход.

Я перевожу дыхание, которое застряло где-то в легких, и рассматриваю удаляющуюся спину. Грязную и напряженную. Нет, так дело не пойдет. Надо же нормально объясниться. И оставить последнее слово за собой. Так что я делаю то, что сделала бы любая нормальная девушка, которой ближайшие восемь часов придется работать с Арсением в одном помещении, на моем месте: иду за ним. Да, в мужской туалет!

– Послушай, ничего этого бы не случилось, – толкаю дверь уборной с буквой М, за которой десять секунд назад скрылся Арсений. – Если бы ты не был таким...

Слова обрываются, как только до мозга доходит картинка, которая предстала перед глазами.

– Ой, – резко отворачиваюсь от обнаженки.

Вообще-то там только пара пуговиц пока расстегнута, но уже можно заприметить мускулистый торс. Весьма, весьма мускулистый. Черт, он что весь такой, с головы до ног?

– Это мужской туалет, – объясняет, как debilке.

– Если ты не собираешься расстегнуть ширинку, я бы хотела договорить, – не показывая смущения, твердо говорю я.

Стоя спиной, да.

– Ты чертовски доставучая, тебе кто-нибудь это говорил? – тяжело вздыхает.

– Только ты.

– Ах, точно. Но ты не считаешь это своим недостатком, не так ли? – шуршит сбрасываемая рубашка, в мое периферийное зрение попадает отглаженный воротничок. Уф, какой тесный туалет. Какая широкая раковина, какое большое зеркало! Если чуть-чуть скосить глаза, можно увидеть...

– Я слушаю, – пресекает мое преступное намерение Арсений. А я, между прочим, просто собираю политинформацию о враге. Вдруг у него тюремная татуха с колоколами на весь торс, это же можно использовать против него!

– Во-первых: извини. Во-вторых: ты сам виноват, – перетаптываюсь с ноги на ногу, едва заметно меняя угол тела. Чтобы чуть-чуть захватить отражение...

О, боже.

Арсений – терминатор!

Не как раздувшийся Арни, а сухенький такой Т-1000, умеющий превращаться в жидкий металл. Хотя на жидкий металл сейчас больше похожа я.

Хватаюсь за край раковины, чтобы не стечь на пол, проглатываю застрявший посреди горла ком. Не уверена, что мне нужна была эта информация.

– То есть опять во всем виноват я? – хмыкает сзади.

– Да! – визгливо соглашаюсь я. – Нет, – добавляю уже спокойнее. – Я с себя вины не складываю, я чересчур эмоциональна, как все Скорпионы. Однако ты, как представитель Стрельца...

– О, господи! – взрывается Шереметьев. – Хватит во всем винить какую-то чужь. Дело не в том, что ты родилась не в то время, не в том месте и не под тем знаком зодиака. И даже не в том, что у тебя Плутон забрел в Овен. Дело – в тебе. Проблема – тоже в тебе. Ты несешь ответственность за свои мысли, поступки, слова. Не какая-то планета, идущая по кривой траектории, только ты сама! И только когда ты наконец это поймешь – между нами все изменится.

От столь длинной – и что уж сказать, весьма неприятной – тирады, я теряю дар речи. *«Между нами все изменится»* – повисает в воздухе странным напряжением. В груди трепыхается участившееся сердцебиение, холодеют пальцы.

Я правда не знаю, что сказать.

Но это и не требуется.

Шереметьев все решает сам: стаскивает грязную рубашку с раковины, огибает меня, проходя в сантиметре от моего плеча, и выходит из уборной. Тихо захлопывается дверь.

Так вот, что значила фраза *«возможно переосмысление каких-то жизненных ситуаций»* в моем сегодняшнем гороскопе.

Не только у Стрельцов сегодня сложный день.

[1] ПДР (PDR) – беспокрасочный ремонт вмятины/беспокрасочное удаление вмятины, представляет собой метод выправления незначительных вмятин с кузова автомобиля.

## Глава 8.

Хорошо, что пятницы имеют свойство заканчиваться.

Жаль, что время так беспощадно тянется. Правда винить в этом стоит, конечно, не конкретный день недели, а Арсения, беспощадно проехавшегося по моей самооценке. Снова.

Гипнотизирую цифры внизу рабочего стола, мысленно отсчитывая, когда можно будет рвануть. И как только появляются заветные 18:00 – даю дёру. Натурально.

На радостях, что можно пойти домой и помучиться рефлексией в одиночестве, а не на глазах у десятка коллег, я даже забываю отправить Арсению его гороскоп. Просто хватаю сумку, едва не оставив телефон на рабочем столе, и выбегаю навстречу прекрасной погоде и одинокой квартире.

Одиночество сейчас как никогда кстати.

Взгляд цепляет побитый моими стараниями Ниссан и чувство вины снова поднимает голову. Ой, да заткнись ты, совесть. Ну сколько можно? Плетусь к метро, опережая всех коллег, чтобы не пришлось утешать их праздное любопытство. Они и так весь день пилились на нас с Шереметьевым, стгорая от желания узнать, чем мы таким интересным занимались за закрытой дверью мужского туалета. И только дай им повод поймать и зажать меня на платформе метрополи-

тена...

Я сбегаю по эскалатору, когда в сумке начинает трезвонить мобильник. Сестра. Ну конечно, пятница же.

– Приедешь сегодня? – интересуется Альбина, чем-то гремя на фоне.

– Что-то устала, – пытаюсь отвертеться.

– У нас курица на гриле. И перцы.

– Жучка, – смеюсь в трубку. Обожаю традиционные пятничные посиделки с горой еды, и она это знает. – Вина захватить? – меняю вектор направления в метро.

– Не, я все взяла.

– Ладно, часика через полтора буду.

– Снова подвезут? – хитро интересуется.

– Откуда ты знаешь, господи? – обреченно выдыхаю в трубку.

Я же была максимально осторожна, она точно не видела Арсения в прошлый раз!

– Фил вас в окно спалил. Восхищался большой красивой машиной до слюней изо рта. Приедешь – расскажешь!

– Тогда я не приеду, – бурчу в трубку. Курица и перцы это все конечно прекрасно, но сидеть, как на допросе с пристрастием – нет уж, извольте.

– Приедешь, приедешь. Я как раз рулет маковый делаю.

– По маминему рецепту?

– Ага.

– Ненавижу тебя.

– О-бо-жа-ешь, – Альбина смеется и кладет трубку.

Знает, что обожаю. С тех пор как мама укатила устраивать свое личное счастье с турком на его малую родину, мы с сестрой стали держаться вместе. Это даже сплотило. Есть особое удовольствие под бокал красного полусладкого восхищаться – и ужасаться – авантюризму собственной матери, которая всю жизнь жила по четкому своду правил, а, заменяя пятый десяток, подцепила солидного дядечку на морях, собрала пожитки и рванула к нему.

Но чувствуется мне, сегодня темой вечера будет не мама.

Я вставляю в уши наушники и заглушаю неуместное чувство осадка внутри. Нет, не из-за мамы. За нее мы с Альбиной на самом деле очень рады. В голове другое действующее лицо.

Вот как ему удастся так все во мне перетряхнуть, что совершенная уверенность в себе утопает под жгучей неуверенностью? Конечно же я понимаю, что сама несу ответственность за свои поступки и слова. Но влияние множественных факторов извне на характер и темперамент – тоже неоспоримо. Например, он эгоистичный самовлюбленный... Стрелец. Типичный. И где бы и кем ни воспитывался – таким ему и предначертано быть.

Горбатого Стрельца могила исправит.

И я может тоже не идеальна, видит бог, я знаю все свои недостатки и активно с ними борюсь, но все же имею куда более покладистый характер. И раз уж речь идет о «между

нами все изменится», то большую часть пути нужно пройти ему. Не будь он таким... злобным всезнайкой, мы бы могли вполне мирно сосуществовать.

Определенно.

Ведь что-то хорошее в нем есть. Просто я уже успела позабыть что.

Пока в ушах гремит Паганини, затесавшийся между «Куклой колдуна» и «Life» Зиверт, берусь за телефон и открываю рабочий чат в вайбере. Оттуда кликаю по Арсению и перехожу в личные сообщения. Там пока пусто. Ни разу за два года работы у меня не возникло желание начать эту переписку, но сегодня все внутри к этому призывает.

Я столько всего хочу ему написать!

И о том, что он, конечно, прав, но все же не прав. И о том, что он сноб и колючка. И о том, что я хотела с ним дружить и даже пыталась когда-то, но он все испортил. И вот сейчас исправлять это точно не мне.

Но все эти слова остаются в моей голове, под аккомпанемент «Дьявольской трели» в ушах.

Я просто копирую текст его гороскопа на сегодня и отправляю ему для ознакомления. Тут даже сам черт поверил бы в правдивость прогнозов! Непредвиденные расходы на лицо и рубашку.

Фиолетовые галочки загораются мгновенно, будто он только и ждал моего сообщения. Но ответа, ожидаемо, не приходит. Невыносимый человек.

– Где мой любимый Филиппчик? – с порога кричу я.

Дверь, как всегда, открыта, так что я беспрепятственно врываюсь в дом сестры, где меня всегда встречают с радостью. Как минимум один четырехлетка.

– Уля-я-я, – несется по коридору стадо маленьких слоников в лице моего племянника.

В мои раскрытые объятия врезается худощавое создание с вихрем завитушек. Маленькая папина копия, Альбина тут явно не участвовала.

– Что ты мне принесла? – первый же вопрос после традиционных обнимашек.

Достаю из сумки перехваченную в «Магните» безделушку в виде какого-то липкого монстрика, цена которой – сто рублей. Но что для нас – фигня, для ребенка – новые впечатления. Так что Фил радостно визжит и бежит всем показывать новую игрушку.

Скидываю туфли и направляюсь на кухню. Оттуда уже идет умопомрачительный запах выпечки. Все-таки моя сестрица на все руки мастер. На подносе прямо посреди стола красуется маковый рулет – маленькое сладкое произведение искусства. Голодные руки тянутся к нему и отщипывают кусочек прежде, чем в дверях, ведущих на террасу, появляется сестра.

– Руки прочь! – возмущенно сопит она.

– Но я такая голодная, – ною не по-детски.

– Там уже все готово, – кивает на улицу. – А сладкое – после еды!

– Говоришь, как мама, – передразниваю я.

– Я и есть мама. А ты должна подавать пример младшим, – перехватывает куда-то несущегося Филиппа и грозно ему наказывает. – Мыть руки и за стол!

Маленький послушный ребенок тяжело вздыхает, откладывает игрушку и плетется в ванную. Я за ним.

– Жесткая у тебя мама, – авторитетно заявляю, подсовывая руки под струю воды вместе с Филом.

– Ага, – серьезно заявляет племянник. – Но это потому, что она обо мне заботится. Папа так говорит.

– Ну все правильно, воспитывают только очень близких людей, к которым равнодушны.

– Что значит не-ровно-душен? – повторяет сложное слово. – Это когда душ неровный?

– Нет, – смеюсь с маленького любопытного "хочувсезнайки". – Это значит, которого любишь.

Треплю его по макушке мокрой ладонью, на что он возмущенно сопит, и закручиваю краны. Мы вытираем руки, каждый своим полотенцем, мне со слониками не положен, и направляемся на террасу. Там Витя, муж сестры, уже снимает с гриля овощи. Их лучшее вложение денег!

Мне наливают вина, накладывают на тарелку гору овощей и курицы, и когда я уже не могу сопротивляться, потому что набила полный рот еды, начинают допрос.

– Так кто это был?

Я втягиваю носом воздух, продолжая размеренно жевать. Сверлю сестру испытующим взглядом. Глядишь, прожгу дыру и не придется откровенничать. Но у нее тоже отменная ментальная броня. И фора в пару лет тренировки.

– Коллега, – тянусь за бокалом.

– Ему было по пути? – с самым невинным видом интересуется она.

– Ага, – вру я.

Потому что, если не совру – это все уйдет совершенно в неправильные дебри!

– Красивый? – улыбается.

– Да какая разница! – машу рукой и выплескиваю часть вина на ноги. Черт.

– А чего так волноваться? – тоном заправского мозгоправа выведывает Аля.

– Предрекая все вопросы на будущее: некрасивый, – вру, конечно, безбожно, в этом я сегодня имела удовольствие убедиться. – Неинтересный, неприятный. Просто было по пути, я с котом, а он вроде как вписался. Закрыли тему.

– Так это для него было шоу с котом организовано?

Частично она в теме.

– Ага. Мерзкий тип.

– Ну да, ну да, – нарочито медленно отпивая вина, улыбается сестрица.

Ненавижу это ее выражение лица.

– Давай сменим тему, – умоляю, запихивая в рот курицу. – Фил, расскажи, как у тебя дела в садике, – обращаюсь к племяннику.

– Нормально, – пожимает плечами, откладывая на тарелке всю курицу и набивая пузо исключительно овощами. Неправильный какой-то растет ребенок. Обожает супы и овощи. Мы все делали ровно наоборот.

– У них в садике была неделя детской безопасности. Учили их что нельзя с незнакомцами разговаривать. Ну-ка, Фил, что будешь делать, если к тебе на площадке подойдет незнакомец и предложит конфетку?

– Убегу.

– Молодец, – тоном учительницы хвалит сестра. – А если он схватит тебя за руку?

– Ка-а-ак дам ему по колену!

– Правильно, или выше, как папка учил, – поддакивает Витя.

– Ага, – кивает Филипп, приканчивая овощи. – Можно я пойду поиграю?

– Один кусочек курицы съешь и иди.

Фил тяжело вздыхает, поджимая губы, и быстро расправляется с ненавистным мясом. Затем выскакивает из-за стола, и, едва не снеся гриль по пути, убегает в дом.

– Жестокая мать: руки мой, курицу ешь, – улыбаюсь я.

– Ему пока нужен контроль. И белок, – наставительно выгибает брови сестра. – Иначе расти перестанет.

– А как же дети веганов?

– Задохлики и коротыши, – прыскает Витя.

– Или восполняют белок в альтернативе, а Фил ничего больше не ест. В садике в него даже котлету впихнуть не могут.

– Ох, эти садовские котлеты, – мечтательно тяну я. – И почему они были такие вкусные?

– Потому что на пятьдесят процентов состояли из булки? Кстати, просьба есть, – Альбина наклоняется чуть вперед, вмиг собираясь в деловую мамашу. – В понедельник его надо к окулисту сводить, я полтора месяца очередь ждала, а нас просят срочно приехать в Зеленоград, посмотреть один нечистый питомник...

– Мне с ним сходить?

– Да, там дело – на полчаса. Но потом с ним посидеть надо будет. Можешь отпроситься?

– Поработаю из дома, – киваю я.

– Ну вот и отлично. Я тебе напишу потом куда там и что.

– Думаешь, не миновала его наша семейная миопия?

– Заметила, что он щуриться стал и мультики слишком близко смотрит. Лучше проверить, он же в зоне риска.

– Это верно.

Я допиваю один-единственный положенный мне бокал, за которым цепко следит сестра и, под необычайную легкость в голове, решаю остаться у них с ночевкой. Здесь в их маленьком кошачьем мирке так хорошо и спокойно, что я даже не

вспоминаю об Арсении. И о сегодняшнем паршивом дне. И о «тогда между нами все и изменится» тоже не вспоминаю. Не-а. Совсем.

## Глава 9.

*Стрельцы, сегодня вы как никогда остро почувствуете разницу поколений. Возможны конфликты, проявите терпение.*

Ладно. За выходные я кое-что переосмыслила.

Например, что частный дом – это круто. Да, просыпаться под чьего-то петуха – странно (блин, двадцать первый век, откуда петухи у людей?), но и немного романтично. Еще, что дети – это прикольно. Особенно, если с ними уже можно рубиться в Дженгу, а потом исполнять победный ритуальный танец Уэнсдей. И главное, что работать на удаленке – кайфово.

Назвать работой то, что я уделила двадцать минут ежедневным гороскопам и отправила их Ирине, чтобы она загрузила на сайт, конечно, сложно. Я так делаю каждые выходные. Но будь у меня мой рабочий ноут, я бы под пение птичек и статью закончила! Жаль, не додумалась в пятницу взять его с собой.

– На кухне суп, приедете – обязательно его покорми. А потом – спать, – напутствует сестра, разбудившая меня на рассвете, чтобы проинструктировать. – Все, что врач скажет – запиши, и пусть тебе заключение распечатает!

Альбина всовывает ноги в резиновые сапоги и накидывает «кошачью» куртку, в которой не жаль зайти в логово бешенных котов, в которое она сейчас собирается. В пять утра. Это же надо быть такой одержимой.

– Можешь взять мою машину, – кивает на ключи на столике в прихожей.

– Ты же знаешь, я не вожу.

– Ну права же есть.

– Потому что ты заставила! Но мы с габаритной техникой так и не смогли договориться. На автобусе прокатимся.

– Фил еще ни разу не ездил, – с сомнением морщится сестра.

– Вот это у него сегодня приключения будут!

– Ладно, если что – сразу звони.

– Океюшки, – спроваживаю сестру, которую в машине уже ждет муж, закрываю дверь и плетусь на кухню.

Не сдерживая широкого зева, наливаю в гейзерную кофеварку воды, добавляю молотый кофе и ставлю на плиту. Блин, к врачу только в одиннадцать, Ирина меня, конечно, отпустила на сегодня, но как продвигается статья спросить тоже не забыла. А там ни один финансовый конь не валялся. Все на стадии «инвестиции – это» и застопорилось. В попытке подтянуть матчасть.

А она тоже не подтягивается. И пора признаться, что без помощи мне не обойтись. Ну почему сестра не могла пойти на экономиста учиться? Сейчас бы ее знания пригодились

больше, чем никчемная юридическая компетентность. А так придется обращаться к единственному эксперту в этой области, которого я знаю.

И с которым нахожусь в жесткой конфронтации.

Хотя это же и была моя изначальная цель, правда? Быть к нему ближе, достать до печенки, убедить в неизбежности звездных пророчеств.

Кстати, что там ему на сегодня сулит гороскоп?

Выходные я пустила на самотек, к тому же ничего интересного кроме «все ваши начинания будут успешными» и «посвятите время себе» там не было. А понедельник я не озаботилась. Хм. «Конфликт поколений». Нет, это мне тоже решительно никак не организовать. Остается только надеяться на провидение и план вселенной.

Она же на мой стороне, не так ли?

Кто верит – тот и получает.

С чашкой кофе выхожу на террасу, вдыхаю полной грудью влажный утренний воздух и с мурчащим удовольствием наблюдаю, как сквозь ветки деревьев пробивается рассвет. А как поют птицы, боже ж ты мой!

К семи утра я окончательно просыпаюсь и твердо решаю, что надо ехать за ноутбуком. Не знаю, что меня так вдохновило на подвиги сегодня, то ли свежего воздуха передоз, то ли оголтелый оптимизм после выходных, но я полна рабочего настроения. И прям чувствую, что сегодня работа пойдет.

Иду будить племянника (жестокая, жестокая тетка), соби-

раю его (бедная, бедная мать, делающая это каждый день) и, засунув в него две помидорки на завтрак, вывожу из дома. Поездка на автобусе ему очень нравится. А уж метро – становится настоящим приключением. Филиппчик, отошедший ото сна, не затыкается ни на минуту. Спрашивает буквально обо всем на свете, а потом рассказывает о том, что будет рассказывать в садике.

Свои слова про «дети – это прикольно» отзываю. Временно, конечно. Просто я очень люблю тишину по утрам, оказывается.

На работе нас встречает одинокий охранник, с удивлением рассматривающий нас с Филиппом. До начала рабочего дня еще полчаса, тут пустынно, как в Ашане по ночам. Вежливо здороваюсь и объясняю, что сегодня буду работать из дома, поэтому нужно взять рабочий ноутбук. А объяснить нужно, иначе меня из здания не выпустят. У этого сурового не улыбочивого дядьки кнопочка специальная есть, которая двери блокирует. И еще одна специальная – чтобы наряд вызвать. Так рассказывают. Прецедентов еще не было и не хотелось бы создавать.

Мы с Филиппчиком заходим в офис, я включаю свет, усаживаю его на мое рабочее место. Складываю ноут, отсоединяю провода.

– Посиди тут минутку, я сейчас за сумкой для ноутбука схожу, – наставляю послушного ребенка. – Только не трогай ничего!

Фил кивает головой и раскручивается на моем стуле, как на карусели. Ну вот и занятие себе нашел. Иду в кабинет к хозяйственникам, там вечный склад и всегда открытая дверь. На поиски сумки для ноута уходит минут пять. Давненько никто работу на дом не брал. С локдауна. И как только выхожу в общий коридор, понимаю, что пять минут – это критически долго!

Из нашего офиса раздается протяжный крик.

Я несусь со всех ног, представляя себе ужасы того, что могло случиться с Филом за это время. Опрокинул на себя аквариум? Засунул пальцы в розетку? Выпал в окно? Господи, как я додумалась оставить его одного в таком опасном месте?!

Но крик оказывается не его.

Кричит Арсений, согнувшись пополам. Руками он прикрывает собственный пах, а лицо красное, как гранат. Как много тут произошло, пока меня не было!

Фил видит меня и тут же ныряет мне за спину, прячась от тихо матерящегося Шереметьева. Фу, при ребенке!

– Что случилось? – спрашиваю у Филиппа, обнимая его за плечи.

– Он предложил мне конфеты! – тычет в Арсения пальчиком. – А бежать было далеко, я боялся заблудиться в коридоре и тебя не найти!

Малыш возбужденно дует щеки и трясется. Вот и пригодились уроки безопасности.

– Молодец, – хвалю его за смелость и быструю реакцию. И пускай Арсений точно не собирался его похищать, ребенок все сделал правильно. Как учили.

– Молодец? – раздается гневное шипение.

Я перевожу взгляд на Шереметьева и поджимаю губы, чтобы не улыбаться. Он оседает в кресло с трагическим (злобным) выражением лица, все еще придерживая собственный пах. Ничего смешного тут, конечно, нет, но у меня частенько бывает странная реакция на чужую боль.

– Его учили у незнакомцев ничего не брать, – объясняю.

– Я просто спросил чей он, – вздыхает, прикрывая глаза. – А потом предложил конфеты из вазочки, – машет на наш дежурный общаг.

– Оу.

Да, выглядит безобидно. Но откуда четырехлетке взять критическое мышление. Ему сказали бить незнакомцев, если они предлагают конфеты – он ударил. Все логично.

– Почему все связанное с тобой причиняет ущерб? – устало выдает Арсений.

– Почему ты всегда и во всем винишь меня? – столь же устало интересуюсь я.

Мы меряемся яйцами взглядами. Никто не сдается.

– Уля, так можно мне конфет? – тихо интересуется виновник сегодняшнего раздора.

– Да, возьми, – отмахиваюсь я. – Две, не больше! – прихожу в себя, вспоминая грозную Альбину и ее наказ «никакого

сладкого между едой».

– Твой? – Арсений провожает Фила внимательным взглядом.

Киваю в ответ. Что за странный вопрос? Я же его привела, конечно, мой.

– Отличный удар у пацана. Кто научил?

– Папа, – вздыхаю я. – Я бы не стала учить бить по мужскому эго.

– Да, ты делаешь это исключительно словами, – хмыкает Шереметьев, разворачиваясь к рабочему столу.

Его лицо привычно застывает в маске отчуждения. Вот и что это значит?

– О чем это ты? – раздраженно спрашиваю я.

Вот как ему удастся любой мирный разговор снова вывести к конфликту? Теперь я стерва с его слов, так получается?

– А мы скоро пойдем? – отвлекает меня Фил.

– Да, сейчас, – иду к рабочему столу, пакую ноутбук и зарядку в сумку.

На Арсения предпочитаю даже не смотреть. Он уже весь в работе, стучит по клавишам, как оголтелый. Трудоголик чертов.

– Уходишь? – интересуется он, когда я уже разворачиваюсь на выход.

– Поработаю сегодня из дома. Можешь в честь этого устроить праздник.

– Наверное, так и сделаю, – не остается в долгу.

Гад языкастый.

Чтоб ему плохо сегодня работалось!

А ведь я была права: если ты чего-то по-настоящему хочешь, вся Вселенная помогает тебе этого достичь. Например, доказать одному ужасно самовлюбленному маловеру, что звезды никогда не ошибаются.

Мне даже не пришлось прикладывать усилия, чтобы прогнозы начали исполняться. С легкой подачи благосклонной Вселенной, все карты сами легли на стол. На радостях от столь виртуозной завихрени судьбы в лице моего прекрасного племянника с отлично поставленным ударом, я даже отблагодарила Филиппчика запрещенным мороженым.

А потом полдня катала его по городу на автобусе, работая экскурсоводом, пока мы дожидались приема у окулиста. Сам прием уложился в полчаса и бумажку с заключением, а по приезду домой молодой человек с хорошим коленным прикладом отрубился мертвым сном. Даже не пообедав. Но тут, конечно, сыграл фактор конфет и мороженого, перебивших ребенку аппетит. Нянька из меня никудышная, прямо скажем. Но, чтобы не палиться перед сестрой, я в одно лицо заточила две тарелки супа и умяла остатки пюрешки с гуляшом в холодильнике. Красиво жить не запретишь. Особенно за чужой счет.

Дома-то шаром покати.

Плюсы жить одному: экономично. Минусы: для себя и

стараться не хочется. Кинул пачку макарон в продуктовую корзину, соусом со дна банки, живущей в холодильнике уже неделю, приправил – и норм.

И можно работать.

Работать же дома у сестры – это немного... расслабляет. Здесь столько отвлекающих факторов: птички за окном, солнце в глаза, полный холодильник и бешенные коты. Хоть все и привитые. Но ужасно шумные. Они там территорию делят что ли? Что за звон металла и хор мяукающих голосов? Надеюсь, они с голодухи не устроили там переворот и не прибегли к ритуальному каннибализму? Боже, надеюсь, сестра оставила им достаточно пищи. Не хотелось бы стать их беззащитной жертвой.

И как в такой атмосфере сосредоточиться на статье?

Я открываю начатый документ. Чуда не произошло: с пятницы там по-прежнему две строки и мои виртуальные слезы. Пялиться в чистый лист и три слова на нем – это сродни пытке. Это мучительно. Мучительно больно и страшно, что из этого тупика ты уже не выгребешь.

Но я беру свою волю в кулак и решаю зайти с другого конца: открываю план статьи.

Так, броский заголовок – есть. Ключевые слова – вставим по завершении. Введение – пропустим. Потом вставлю из какой-нибудь шибко заумной бизнес-книжки. Основная часть. Прекрасно. Перейдем сразу к интересным расчетам.

Открываю файл, который мне прислал Арсений со спис-

ком важных экономических событий. Тяжко вздыхаю. Иду гуглить точные даты, вплоть до времени. Получается плохо. На кой черт в этой вашей Википедии столько воды? Неужели никто из великих экономических аналитиков не заморочился такой элементарной вещью, как время? Знать бы хотя бы диапазон в два часа...

А может кое-кто, кого не слишком хочется называть, сможет хоть примерно сориентировать? Должен, наверное.

Пару секунд верчу в руках телефон, настраиваясь и морально готовясь к очередной битве, а затем пишу ему:

«Занят?»

«Свободен.» – прилетает через какую-то минуту.

Настолько лаконично и просто, что я даже ищущу подвох. Кидаю взгляд на часы – время обеда уже позади. Значит, он априори свободен быть не может. Так где же лужа, Арсений?

Может позвонить и выяснить?

Или просто позвонить?

Да, определенно. Писать – гораздо дольше.

Подношу трубку к уху и задерживаю дыхание под длинные гудки. Пальцем тереблю выпавшую из пучка прядку и зачем-то накручиваю ее на нос. Я сошла с ума. Какая досада.

– Да, – звучит низко и внезапно.

– Привет, – от неожиданности снова здороваюсь.

– Ну привет, – я почти вижу это дурацкое ироничное выражение на его лице.

– Я тут изучаю даты, которые ты мне прислал. Для ста-

ты, – быстро выпаливаю, не давая ему ни малейшего шанса втянуть меня в очередную остроумную перебранку. – Скажи, а можно примерно предположить время, в котором то или иное событие началось?

– Ты имеешь в виду точное время по минутам и часам? – на удивление без привычного скепсиса уточняет Арсений.

– Хотя бы в пределах пары часов.

– Пары часов...

– Да.

Повисает небольшая пауза, я с неудовольствием замечаю, что злополучный локон переместился мне в рот и я его жую. От нервов. Фу.

– Ну где-то можно сказать даже точно, – неожиданно произносит Арсений. – Например, запуск Евро был осуществлен ровно в полночь 1 января 99 года. Или финансовый кризис на Уолл-Стрит 29-го года: началом черного четверга можно считать время открытия биржи – 9:30. По Нью-Йоркскому времени, конечно же.

Арсений так вдохновенно рассказывает, что я ненароком увлекаюсь. Не сказать, что фактами, скорее его энтузиазмом и тембром голоса, что конечно совершенно непозволительно. И забываю за ним записывать. Не понимаю, как ему удастся так погружаться в эту тему, ведь цифры – это так скучно... Наверное, он действительно очень умный. Слишком умный.

Говорят, у людей с повышенным IQ страдает зона эмоци-

онального интеллекта. Это немного лучше складывает картинку под названием Арсений. И многое объясняет. В его тесной черепушке слишком много информации, чувства туда уже не вмещаются.

– А на счет таких событий, как Нефтяной кризис 73го года – сказать уже сложнее. Можно взять точку отсчета – заявление стран-членов ОПЭК...

О, боже. Меня отключило.

– Угу, угу, – важно мычу в трубку. Как-будто все-все понимаю. – А ты можешь там, в файлике, напротив событий, где вот это время можно предположить – его проставить? – наглею я.

И снова жду, затаив дыхание. Сейчас же последует очередная колкость.

– Хорошо. Тебе сегодня нужно?

– Эм... нет. Не обязательно. Как сможешь, – удивленно отвечаю.

Он заболел?

При смерти? Хочет заранее отмолить свои грехи?

Или я звоню не Арсению?

Даже отношу трубку чуть от уха, чтобы взглянуть на экран. Шереметьев. Ошибка исключена. На лицо подмена личности путем шоковой терапии. Ногой по причиндалам.

– Ты как? – не удерживаю в себе вопроса. – Ничего не болит? – интересуюсь тихонечко, словно кто-то может меня за этим непристойным делом застать. Подумать только: беспо-

коюсь об Арсении!

– Все нормально.

И разговаривает нормально. Без скабрзных шуточек и перевода стрелок. Очень необычные ощущения.

– Спасибо за помощь, – иду прощупывать почву дальше. Топлю прям до конца. Сейчас самое время вставить: «будешь должна» или «конечно, спасибо, сама же ты ничего не можешь».

Но ответ снова меня ошарашивает:

– Пожалуйста.

Очередная странная пауза затягивается секунд на двадцать. Пора бы, наверное, уже прервать звонок. Мы его явно завершили. И завершили, надо сказать, на высокой ноте!

– Надо чаще тебя прикладывать коленом, ты, оказывается, от болевого шока превращаешься в адекватного человека, – приглушенно заполняю тишину и быстро бросаю трубку.

Пока перемирие не закончилось.

Несколько минут сижу и пялюсь в экран, совершенно не способная собрать мысли в кучку. Он действительно мне поможет? Без всяких там...

Не верю. Просто не складывается у меня в голове.

Наверняка завтра заявит, что я идиотка, раз повелась на его щедрое предложение. И что он просто хотел доказать, что я без его помощи ни на что не способна. И придется все делать самой.

Но это будет завтра. А сегодня во мне плещется малень-

кий, очень-очень маленький лучик надежды. Чудеса ведь случаются. Почему бы им не произойти с Арсением?

Итак, что же у нас на завтра уготовили звезды для Стрельцов?

## Глава 10.

*«Стоит быть внимательнее Стрельцам, которые в этот день отправятся в поездки. Возможны какие-то досадные происшествия, не исключена потеря важной для вас вещи»*

Где мой чертов карандаш?!

Это уже переходит все границы. Хоть ты его привязывай! Помню же, точно помню, что он был где-то...

Нет, под стопкой исписанных листков нет. И под столом нет. И в столе тоже нет.

Их как будто кто-то жрет по ночам. Не ты ли, пучеглазая? Кидаю взгляд на одинокую, моими стараниями, рыбешку в аквариуме и удивленно таращусь на две совершенно прекрасные белые рыбки. А где это страшилище аквариумное, которое мне ночные кошмары уже полгода организывает?

Прилипаю к аквариуму, не в силах отвести взгляд от сказочных созданий за стеклом. Их огромные плавники танцуют в воде, словно лепестки огромных цветов. Никогда не видела ничего подобного!

– Это рыбки петушки, – раздается сзади голос врага.

Или уже нет?

Даже не знаю, как реагировать на Арсения после вчераш-

него.

– Почему петушки? – не удерживаюсь от смешка. – Они же белые.

– Альбиносы.

– Логично.

За наш короткий диалог я так и не оборачиваюсь, следя взглядом за маленькими принцессами подводного мира. Почему-то уверена, что это самки. Такие они великолепные...

Судя по звуку за спиной, Арсений как раз вешает пальто и привычно разглаживает его до одурения. Далее следуют бесшумные шаги – идет к рабочему столу. В отражении воды я вижу, как он кладет на стол телефон, включает ноутбук и поднимает взгляд на меня. Отчего-то в воде его глаза кажутся ярче. По коже пробегают неуместные мурашки. Холодно сегодня.

А когда Арсений шагает ко мне – кидает в жар. Это от него идет такое тепло, что расплавиться можно. Не человек – а печь дровяная! Еще и становится так близко, что волоски на руках дыбом встают. В кабинете же никого нет, желай он меня утопить в этом самом аквариуме – никто не помешает.

Нос привычно пощипывает от его ванильно-табачного парфюма, и я немного морщусь. Арсения сегодня слишком много. Хотя рабочий день еще только-только начался.

– А где пучеглазая? То есть... Немо? – делаю небольшой шагок в сторону, будто рассматривая забившуюся под коралл рыбку. И становлюсь в пол-оборота. Так безопаснее,

можно предупредить атаку.

– Переживаешь, что ее постигла та же участь, что Дори?

Я громко фыркаю.

– Таких чудес не бывает.

На лице Шереметьева расцветает странное такое выражение, если бы я знала его чуть хуже, сказала, что это почти улыбка.

– Нравятся? – переводит тему.

– Угу, – настороженно прищуриваюсь, подозревая в подвохе.

Его вчера ядовитый тарантул что ли покусал? Откуда такое благодушие?

– Кажется, сейчас ливанет, – в офис врывается веселый Рома, разбавляя странную атмосферу. – Все, закончились солнечные деньки, жена сказала циклон идет, – болтает он без устали, раздеваясь. – Оценила уже нашу новую живность? – кидает мне.

– Ага, классные.

– А мои от Немо в восторге были. Давно рыбку хотели. Арс и говорит: забирай. И этих притащил после обеда.

Я удивленно тарашусь на Шереметьева, который с каменным выражением лица возвращается к столу. Он сбаврил Ро-ме этот страх земной? И притащил новых рыбок? Я точно попала в параллельную вселенную, где злодей стал героем.

Ущипнуть себя, что ль?

– Мы их назвали Клео и Юлий, – Рома подходит к аквари-

уму и стучит по стеклу, пытаюсь привлечь внимание рыбок.

– Это самец и самка?

– Без понятия, – пожимает он плечами.

– Интересно...

– Скорее всего та, что сверху – самка, – подает голос Арсений со своего места.

– Да? – поворачиваюсь к нему.

– Она немного крупнее. Брюшко больше. Хотя пока точно определить сложно. Будет нерест – увидим, – кидает фактами, не отвлекаясь от работы.

– У аквариумных рыбок тоже бывает нерест? – подхожу к его столу, чтобы отвлечь.

Ну серьезно, еще даже большинство коллег не пришло, а он уже втыкает в экран. Нельзя быть таким непроходимым трудоголиком. Мы все на его фоне кажемся ущербными.

– Если соблюдены условия содержания, вполне можно спровоцировать спаривание, – поднимает на меня свой синий шереметьевский взгляд.

Я опираюсь на его стол бедром и задумчиво хмурюсь.

– Иногда мне кажется, что ты знаешь все на свете, Арсений, – подтруниваю над ним.

– Просто поинтересовался в зоомагазине, – его взгляд скользит по руке, которой я упираюсь в стол, разогревая оголенную там кожу, и возвращается к ноутбуку. Непробиваемый человек. – Я, кстати, пометил тебе точные даты, время, где смог. Файл отправил.

– Уже? – удивленно интересуюсь я.

И даже вытягиваюсь в струну. Он реально это сделал? Для меня? Вот так просто?

– Спа-си-бо, – неуверенно тяну я. Доставать его резко перехотелось. – Пойду тогда... начну исследование, – делаю шаг назад, дезориентированная.

Я не понимаю, что происходит, и это просто выводит из себя! Подозреваю, что все это лишь затишье перед грандиозной бурей. Поэтому стоит быть начеку втройне.

Арсений едва заметно хмыкает. Некрасиво. Выдавая истинные чувства.

А вот и буря. Ни черта он не изменился, как по волшебству. Волшебства вообще не бывает. Шереметьев просто решил сменить тактику и, видимо, задумал усыпить мою бдительность.

Пха-ха-ха тебе.

А не собрался ли он дискредитировать мою статью?

– Я возьму? – цепляю с его стола карандаш и, не дав ему шанса возразить, зажимаю между зубов. Слюнявый обратно не попросит.

Привычным движением рук собираю на макушке волосы и скрепляю карандашом. Теперь я готова биться!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.